

любовь и секс
в Большом городе

Маша
Царевна

Блондинка и Брюнетка
в ПОИСКАХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Маша Царева

Блондинка и брюнетка в поисках приключений

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134220
Блондинка и брюнетка в поисках приключений : РИПОЛ классик; Москва; 2007
ISBN 978-5-386-00195-7*

Аннотация

Маша Царева – журналистка, оптимистка, к тому же великий специалист в области любовных катастроф. Больше всего на свете любит скорость, яблоки, розовый цвет и непредсказуемых мужчин. В прошлом – манекенщица и телеведущая, в настоящем – автор ироничных романов о жизни женщин в большом городе.

Допустим, кому-то было суждено родиться стройной блондинкой или знойной брюнеткой с тонкой талией и длинными ножками. Но стоит только поближе познакомиться с жизнью этих сексапильных любительниц судьбы, как становится ясно – вы имеете дело с классическими неудачницами. Блондинка и брюнетка – две подружки-неудачницы, в крови которых бушует необъяснимая жажда открытий, решают продать квартиру и весело промотать деньги, совершив кругосветное путешествие. Их ждут неожиданные знакомства и романтические приключения.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мария Царева

Блондинка и брюнетка в поисках приключений

ГЛАВА 1

Блондинка и брюнетка в жестоком мире мужчин

БЛОНДИНКА

Если задуматься, везение – это всего лишь череда особых обстоятельств, никак не зависящих от человека, которого угораздило в них вляпаться.

Допустим, кому-то было суждено родиться стройной блондинкой с грудью размера 36 В, тонкой талией и длинными ножками, при взгляде на которые большинство мужчин превращаются в джентльменов. Другие женщины, с которыми Фортуна обошлась более сурово, с деланным равнодушием или даже презрением смотрят на такую особу, а сами в душе думают: вот повезло!

Но стоит только поближе ознакомиться с жизнью этой сексапильной любительницы судьбы (например, с прошлой пятницей), как становится ясно – вы имеете дело с классической неудачницей.

Так вот, прошлой пятницей вышеописанная блондинка проснулась, посмотрела на часы и тихо ойкнула. Она опаздывала на работу до такой степени, что куда более безболезненным было бы набрать прямой номер начальника и слабым голосом симитировать звонок из реанимационного отделения. Простонав, что на работу она выйти никак не сможет, поскольку повредила позвоночник и большинство внутренних органов во время ежеутренней конной прогулки. Когда-то она прочитала психологическую книжку «Как врать грамотно», в которой говорилось: чем интереснее изложенная вами история, тем выше индекс доверия.

Начальник и правда «повелся». Блондинка работала его секретаршей всего два с половиной месяца, но и за этот срок успела понять, что он крайне недалекий, если не сказать ограниченный, человек. Каждый день она проводила в «курилке» две трети рабочего времени, а он, углубленный в свои дела, умудрялся этого не замечать. Она воровала кофейные фильтры, дорогое датское печенье, а иногда и элитный алкоголь из его шкафчика, не испытывая чувства вины: Блондинка была одинокой бедной девушкой, а начальник – постным трезвенником, очень даже обеспеченным материально. Он ни разу не хватился пропажи.

Так что ей не составило труда в очередной раз обвести его вокруг пальца.

Начальник сочувственно выспрашивал у нее подробности трагедии. Как давно она занимается конным спортом? («Восемь лет», – без запинки ответила Блондинка). Как случилось, что она упала? («Дура-лошадь решила попрыгать через турникет на парковой детской площадке!») Что именно у нее сломано? («О-о-о... Практически все!»)

Пусть кошелек Блондинки был перманентно пуст, зато у нее была богатейшая фантазия. Так что через несколько минут она и сама будто бы поверила в историю, которую пять минут назад придумала на ходу. Станиславский рукоплескал бы ей стоя. Ее монолог был исполнен такой черной горечи, что у Блондинки даже возникла окольная мысль: раз она зашла так далеко, не попросить ли отпуск и премию?

«Мне всего двадцать семь, – трагическим полупшепотом рассказывала она, – и тут такое... Инвалидность первой группы, невозможность передвигаться самостоятельно... Может быть, вы не знаете, но я одинока. В Москве у меня никого нет, приходится рассчитывать только на себя. Как же мне теперь, обездвиженной, в коляске... Еще неизвестно, кстати, выживу ли я вообще. Конечно, врачи меня утешают – мол, молодой крепкий организм... Но сами знаете, как иногда бывает. Был человек, раз, и нет его!»

В какой-то момент ей стало так себя жалко, что она пустила слезу. А ведь не так-то она и соврала. По крайней мере, указала точный возраст – двадцать семь лет. Будь ей пятнадцать (ну, или хотя бы двадцать четыре), у нее был бы шанс начать все заново. А двадцать семь – это для Москвы, как говорится, труба. Вроде бы ты и молодая совсем, вроде бы и носишь джинсы с бахромой, но почему-то коллега, на которого ты который месяц пускаешь слюни, увивается за девятнадцатилетней бездумной буфетчицей.

В двадцать семь лет кто-то имеет свое дело, кто-то с застенчивой улыбкой получает «Оскара», кто-то удачно выходит замуж... А такую жизнь, как у нее, не пожелаешь и врагу. Родители остались в крошечном провинциальном городке, они не могут помочь ей ни материально, ни морально. Потому что их представления о мире ограничиваются засаженным картошкой садовым участком и святым убеждением, что в один прекрасный день блудная дочь вернется из гиблой столицы и начнет праведную жизнь, сочетавшись браком, например, с соседским сыном Виталькой. Ну и что, что у него нет трех передних зубов, денег и чувства юмора! Зато не пьет, в мордобитиях замечен не был и стабильно работает механиком на часовом заводе.

А Блондинку черт дернул в шестнадцать лет сбежать из дома, чтобы сдать вступительные экзамены в некий московский технический вуз. И ведь сдала же, поступила! Конечно, она никогда не расскажет родственникам о том, что здесь не обошлось без декана-эротомана, который слегка подделал ведомость за возможность потискать ее в кабинете. Ей было противно, но даже в шестнадцать лет она понимала, что девушки, свято стерегущие невинность, в итоге вручат ее какому-нибудь беззубому Витальке, чтобы провести остаток своей праведной жизни на шести сотках, собачась со свекровью. Блондинка же всегда мечтала о другой жизни, полной приключений и ярких событий, побед, страстей и, конечно же, любви. Пусть детали светлого будущего представлялись ей смутно, зато она свято в него верила, а это уже полдела.

Из института ее отчислили после первой же сессии. Ей не хватало базового образования. Она не могла, как ни старалась, удержать в голове формулы и теоремы и справиться с чудовищными графиками.

Ей повезло, что она родилась красавицей. Быстро сориентировавшись, она записалась в модельное агентство. Пусть для подиума Блондинке не хватило роста, зато целый год она довольно успешно отработала промо-герл. Ряженная в национальные костюмы государств, в которые она и попасть-то никогда не мечтала, Блондинка приставала к посетителям супермаркетов. Попробуйте турецкую халву. Отведайте голландского сыра с орехами. Купите индонезийский ликер со вкусом киви.

Платили ей немного. Хватало на то, чтобы снять комнатку в общежитии того самого вуза, откуда ее с таким позором изгнали. Правда, потом ей повезло на самом деле – некая дальняя московская родственница скончалась и завещала квартиру Блондинкиным родителям. Один из самых важных московских рубежей – жилищный – был ею с блеском взят.

Блондинка была девушкой негордой, к тому же убежденной оптимисткой. Она все еще верила в роскошное будущее, поджидающее ее где-нибудь за углом.

Когда ей исполнилось девятнадцать, она поступила на годовичные курсы секретарей-референтов. Красивая мордашка в приемной – это модно. Ее охотно брали в холеные офисы с евроремонтом. У Блондинки даже начало создаваться впечатление, что она делает

карьеру – окруженная факсами, принтерами, телефонами, она казалась себе незаменимой. Первая проблема состояла в том, что ее брали, как правило, на роль офисной официантки и прислуги самого низкого ранга: поднеси кофе, возьми из принтера распечатки, отксерь какую-нибудь очередную лабуду. Вторая проблема – в роскошных офисах Блондинка поми-рала от скуки и считала часы до окончания рабочего дня. Делопроизводство казалось ей вязким болотом.

Может быть, не будь Блондинка такой инертной, она бы взяла себя в руки и придумала что-нибудь. Окончила бы курсы маникюра и стала высокооплачиваемым мастером или забеременела бы от какого-нибудь из своих начальников и заставила бы его жениться.

Но... Ей исполнилось сначала двадцать, затем двадцать пять, а она все еще кантовалась по офисам, нигде не выдерживая более полугода. Хроническая временная секретарша – что может быть хуже для обремененной нешуточными амбициями особы?!

Хорошо хотя бы, что у нее хватило ума и вправду не заняться конным спортом. А ведь могла бы! Ее история могла быть правдой!

Блондинка смахнула с щеки крупную слезинку и плотнее закуталась в старенький клетчатый плед. Она сидела, поджав ноги, на кресле, единственном островке гармонии в мире хаоса ее неубранной квартиры. Диван выглядел так, словно на нем порезвилась целая рота морских пехотинцев. Все возможные поверхности были заставлены пустыми чашками, тюбиками засохшего лака для ногтей, журналами мод, бесплатными крошечными бутылочками духов, которые она наловчилась выпрашивать в парфюмерных магазинах, недоеденными пирожными. С люстры почему-то свисал чулок.

– Вся жизнь поломана... – подытожила она в телефонную трубку. – Из-за какого-то строптивного коня...

– Знаете что, Настасья Федоровна? – вдруг перебил ее начальник. – Передайте, пожалуйста, этому коню, чтобы в следующий раз он проследил за тем, что вы пьете. И не позволял вам смешивать джин-тоник с вином или коктейлями на водочной основе.

– Ч-что? – растерялась блондинка.

– Вы все врете, – радостно объявил начальник.

– Да как вам не стыдно? – пришла в себя она. – Я еле жива, мне, может быть, предстоит трансплантация... ммм... желудка! И все равно я нашла в себе силы вас предупредить! А вы...

– Послушайте, я ничего не говорил, потому что мне просто было интересно, до какой степени вы способны завратиться. Мало того, что вы каждый день опаздываете на работу! Перемываете мне кости с моими подчиненными! Часами просиживаете в курилке, хотя даже и не курите! С тех пор как вы появились, из моего шкафа исчезло четыре упаковки кофейных фильтров, восемь бутылок ликера «Бейлиз» и двенадцать жестяных банок моего любимого датского печенья. Я знаю, что девушки любят сладкие ликеры, но когда у вас хватило наглости спереть подаренную мне бутылку виски двенадцатилетней выдержки, мое терпение лопнуло! Так что можете не утруждать себя рассказами о потерянной молодости и строптивных конях. Я и так вас уволил бы, даже если бы вы сегодня пришли на работу вовремя.

Блондинка помолчала, потрясенная. Поболтала ногой, нахмурилась, машинально смахнула со стола блюдце с засохшими остатками сметанной маски для лица. Чертыхнулась, глядя на осколки. Искоса взглянула на огромную бутылку виски двенадцатилетней выдержки, занявшую почетное место на книжной полке.

Потом ее хорошенькое лицо прояснилось.

– Значит ли это... Что я опять уволена? – уточнила она.

– Именно, – холодно подтвердил начальник.

– Тогда позвольте задать вам один вопрос... Где я прокололась? Как вы поняли, что я вру? Все дело в детской площадке, да? Вы считаете, что строптивного коня туда бы не понесло?

– Все дело в том, что из реанимации позвонить невозможно, – ухмыльнулся экс-начальник, – телефонов там нет.

И повесил трубку.

Насухо вытерев тыльной стороной ладони глаза, Блондинка подошла к окну и задумчиво уставилась на типичный унылый пейзаж окраинного московского двора. Одинаковые многоэтажки с облезлой выцветшей краской и разномастными балконами были похожи на гнилые зубы, наспех залеченные стоматологом-дилетантом. В прямоугольнике полуразвалившейся детской песочницы копошилась, закапывая собственные экскременты, грязно-серая собака. По подоконнику чинно разгуливал голубь, в мокром оперении которого наместились противные проплешины. Блондинка машинально прогнала его прочь, хлопнув ладонью по стеклу.

А ведь все могло бы быть по-другому... Родись она в ином месте, в благополучной семье или выскочи замуж за преуспевающего дельца.

В крови Блондинки с детства бушевала необъяснимая жажда приключений. Даже непонятно, откуда в обычной провинциальной девчонке из спокойной ничем не примечательной семьи взялась такая саднящая жадность до жизненных впечатлений. Эта жадность гнала ее вперед, безжалостно прищелкивая кнутом, заставила сбежать из сомнительного уюта домашнего гнезда, искать каких-то новых встреч, выучить английский язык (и как у нее хватило на это усидчивости?), ежедневно вступать в добровольный кровавый бой с хладнокровной неприветливой столицей. Предвкушение перемен вкупе с осознанием того, что переменам этим взяться неоткуда. У нее не было никаких выдающихся способностей, чтобы вырваться на передовую.

Однако в свои двадцать семь лет Блондинка все еще оптимистично верила в счастливый случай. Она была убеждена: если уж карточный расклад судьбы выбросит к ее ногам хотя бы один заваливающий козырь, она воспользуется им на все сто.

БРЮНЕТКА

Всем известная аксиома: если у тебя похмелье, лучше остаться дома. Не спеша привести себя в порядок. Выпить стакан аспириновой шипучки, отмокнуть в ванной с мятными масляными шариками, сварить крепчайшего кофе, поваляться у телека, как следует пообедать, сделать маску для лица.

Нагруженная неподъемными сумками, Брюнетка мрачно размышляла обо всех этих перспективах. Давка в метро была такая, что она едва могла стоять на одной ноге. От мужика справа душераздирающе пахло дешевым одеколоном, тетка слева, похоже, так опаздывала куда-то, что проигнорировала душ.

Брюнетке хотелось либо умереть на месте, либо срочно выпить огуречного рассола.

Накануне она как следует перебрала. Подумаешь, с кем не бывает. А уж с такими одинокими двадцатисемилетними девицами, как она, такое случается почти каждую пятницу.

Банальная история: одна малознакомая девица с ее работы отмечала день рождения в баре. Брюнетка, которая вечно нуждалась в деньгах и никогда не упускала случай отужинать на халяву, увязалась за толпой приятелей именинницы. Два пол-литровых коктейля с текилой, клубничным лимонадом и молотым льдом – и вот уже несколько дюжих охранников стаскивают Брюнетку со стойки бара, на которую она пытается забраться, чтобы станцевать стриптиз.

Один из блюстителей порядка был удивительно похож на Джонни Деппа. Он был любезнее остальных и даже отвел ее в служебный туалет, чтобы она могла без спешки умыться лицо. Между делом он упомянул, что его смена подошла к концу, а его квартира находится в нескольких кварталах от бара. Уверена ли Брюнетка в том, что она сможет добраться домой самостоятельно? Сейчас такое время... А вдруг на нее нападут в подъезде? А вдруг ее ограбит таксист? Глядя в его полные участия темные глаза, Брюнетка растаяла и, пораскинув мозгами, решила, что будет правильным принять его предложение и отоспаться у него дома.

Уснуть ей не удалось до половины седьмого утра, потому что двойник Джонни Деппа оказался неутомимым сексуальным маньяком, на которого не действовали жалостливые аргументы типа «болит голова» или «сейчас стошнит». И сначала ей это даже нравилось... Но потом пришлось запереться в ванной, прихватив с собой одеяло, и уснуть на полу под душераздирающий стук в дверь.

Утром она не узнала себя в зеркале. Выглядела Брюнетка лет на тридцать пять (в лучшем случае). Под ее глазами залегли тени, нос почему-то покраснел и распух, шея не поворачивалась, губы были белыми и сухими. Джонни Депп вел себя самым что ни на есть оскорбительным образом: он удивленно поглядывал на нее и, казалось, не мог понять, как его угораздило притащить такую жуткую бабу к себе домой. Он все пытался деликатно выпросить, сколько они выпили и не было ли на ней парика. В итоге она послала его ко всем чертям, съела единственное яйцо, найденное в холостяцком холодильнике, и поспешила на работу.

Весь ужас ситуации состоял в том, что у Брюнетки была не стационарная работа в каком-нибудь уютном офисе. Нет, ее должность называлась – «консультант по косметике». Ее работа состояла в том, чтобы переходить из одного офисного центра в другой с сумками наперевес и докучать мирно работающим женщинам предложениями приобрести помаду или тушь. Иногда ее гнали взащей, да еще с такими презрительными ухмылками, что Брюнетка чувствовала себя чуть ли не уличной попрошайкой. Но иногда скучающие офисные девушки затаскивали ее в свободную комнату и с энтузиазмом принимались потрошить ее сумки. С каждой проданной помады Брюнетке полагался процент.

– Станция Шаболовская! – объявил безликий голос с металлическими нотками, и живой волной мрачных пассажиров Брюнетку вынесло из вагона.

На улице была такая погода, что ей срочно захотелось обратно в метро. Поправив на плече сумку, она устремилась в сторону Телецентра.

Все-таки везение – странная штука. Если бы не похмелье, то этот пасмурный день можно было бы считать очень даже удачным. Знакомая Брюнетки, недавно устроившаяся младшим редактором в какую-то телепрограмму, сказала, стукнув себя кулачком по лбу:

– Что ты, Мира, в самом деле, маешься по офисным центрам, где на тебя как на прокаженную смотрят! Приходи к нам, на телевидение. Вот где полная расслабуха. Беготня начинается только перед эфиром, все остальное время люди слоняются по кабинетам, раскладывают компьютерные пасьянсы и по пять раз бегают пить кофе в буфет. Да телевизионные скучающие бабы с руками твою косметику оторвут. План перевыполнишь, денег заработаешь.

И она выписала Брюнетке пропуск.

Сдав куртку в гардероб, Брюнетка уединилась в туалете и предприняла попытку привести свое лицо в божеский вид. Получалось плохо. У нее не было вдохновения, потому что смотреть на себя в зеркало было отчего-то противно. Она умылась ледяной водой, нанесла на кожу увлажняющий крем. Хорошо еще, что у нее с собой всегда имеются баулы с косметикой. Вряд ли покупательницы обрадовались бы, узнав, что похмельный консультант опробовал на себе львиную долю образцов. Толстый слой пудры, мазок румян, прозрачный блеск для губ, тушь – и ненакрашенная уродка волшебным образом превращается в уродку накрашенную.

– Как же ты, дорогая Мира, дошла до жизни такой? – скорбно обратилась она к зеркальному отражению. – Ведь природа тебя не обделила. Если ты хорошо высыпaeшь, не забываешь проглотить витаминку и не обедаешь в фаст-фудах, то мужики на тебя шею сворачивают. Ну, может быть, не все, но процентов сорок пять – точно.

Брюнетке вдруг вспомнилось, как четыре месяца назад, когда она только получила эту работу, она стеснялась стучаться в незнакомые двери и предлагать незнакомым людям купить у нее косметику. Анна, ушлая остроносая дамочка неопределенного возраста, с которой Брюнетка познакомилась на кратких курсах распространителей косметики, посоветовала ей одеться во все самое лучшее и явиться в один из бесконечных офисных центров на Новом Арбате. Сама Анна за два с небольшим месяца работы в конторе стала одним из самых успешных консультантов и зарабатывала до того неплохие деньги, что даже начала оптимистично копить на собственный автомобиль. А вот Брюнетке не везло. Хотя советом подружки она воспользовалась. Надела свое самое дорогое платье (из ярко-розового латекса, с голой спиной), долго тренировала перед зеркалом уверенную улыбку настоящего профессионала.

Из первого офисного центра ее выгнали, приняв за девицу легкого поведения, вышедшую на работу в неурочный дневной час. Во второй она все-таки прорвалась. Но никто не хотел покупать у нее пудру и тушь. Женщины презрительно смотрели на ее голую спину, которая в кондиционированных помещениях быстро покрылась неэстетичными мурашками, и на ее голое платье.

Время шло, Брюнетка делала первые успехи. Ее самой первой клиенткой стала забитая секретарша, которую строгий начальник запугал до такой степени, что бедняжка умчалась рыдать в туалет, где ее и подкараулила деловая Брюнетка. Внушить девушке, что лиловая помада в корне изменит ее отношение к миру, не составило большого труда.

А еще был такой случай. Однажды, привычно толкнув офисную дверь, Брюнетка смутилась, обнаружив, что в кабинете находятся одни только мужчины. Она немного пасовала перед мужчинами в строгих костюмах, уверенно шастающих от факса к принтеру и обратно. Извинившись, она хотела было покинуть неперспективное местечко, но один из яппи углядел в ее руках увесистые сумки и спросил, что в них находится. Брюнетка честно ответила, что косметика. И тогда случилось чудо – все обитатели офиса столпились вокруг нее, попросили ее открыть сумки и принялись с энтузиазмом рассматривать их содержимое. «Вот это да-а! – думала Брюнетка. – Надо же как некоторые души не чают в своих девушках! Готовы отвлечься от своих мониторов, только чтобы купить им подарки! У меня вот такого мужчины нет...»

Тот день можно было считать самым удачным в ее карьере консультанта. Было продано почти все.

На выходе из офиса ее остановила смурная консьержка.

– Из триста пятого поди? – спросила она, неприязненно разглядывая Брюнетку через очки с толстыми линзами.

А ей было все нипочем. У нее были деньги, и в голове роилась масса планов, как их можно приятно потратить.

– Ну да, а вам-то что?

– Ну и как тебе это безобразие?

– Какое? – не поняла Брюнетка.

– А ты, чай, не понимаешь, куда шла?

Консьержка тяжело привстала со стула и ткнула желтым пальцем в висевший на стене плакат, на котором были изображены крепконогие девахи в ярких купальниках и юбках из страусиных перьев. На плакате было написано: «Балет трансвеститов “Северная Америка”».

У Брюнетки отвисла челюсть, от удивления она вот-вот устояла на ногах. Так вот почему «бизнесмены» заинтересовались ее товаром!

– Вот-вот, – подобрела консьержка, – я так же на них реагирую. Стыд и позор.

– Но постойте... Они все были в костюмах, и потом, разве у артистов бывают офисы?

– Эти не настоящие артисты, а бешеные, – сжала губы консьержка, – свой продюсерский центр надумали устроить. Мол, директора обычно притесняют артистов, грабят их и заставляют делиться гонорарами. А эти дурачки ни с кем делиться не хотят. Сняли офис, топчутся здесь целыми днями, бараны баранами, переговоры какие-то ведут, умора! Да кто к ним серьезно отнесется, зная, что вечером они будут вертеть голыми задами в клуббах?! Стыд и позор!

Вспомнив об этом сейчас, Брюнетка улыбнулась.

И в этот момент некая сверхъестественная сила что есть мочи сотрясла ее организм. Испуганно завопив, Брюнетка... открыла глаза. И с изумлением обнаружила себя в туалете Шаболовского телецентра, полусидящей на грязном кафельном полу. Рядом с ней аккуратно стояли ее баулы. А над ней нависла уборщица, плотно сжатые губы которой свидетельствовали о том, что ничего хорошего эта встреча Брюнетке не сулит.

Как же она могла?! Уснула в туалете, сползла на пол и сама не заметила... Это же надо было столько выпить вчера.

– Ну и как вы это объясните, девушка? Пьяная, грязная, валяется здесь, людей пугает.

– Я не пьяная, – возмутилась Брюнетка.

– То-то я и чую, перегаром так и разит, – повела носом уборщица. У нее было злое, серое от хронической усталости лицо. Ее тусклые волосы были стянуты выдавшей виды затасканной резинкой. Если человек машинально, на автомате, пользуется такой вещью, значит, на его самоуважении можно поставить крест. Эта некогда белая бархотка и была крестом – на могиле ее безвременно почившей женственности.

– Ладно, я... пойду, пожалуй, – Брюнетка выдавила улыбку. Улыбаться было больно, потому что у нее потрескались губы.

– Куда ты еще пойдешь, сиди! Сейчас охрану позову, они тебе помогут.

– Не надо охраны, – тоненько прошептала жертва кактусовой самогонки.

Но в руках у дорвавшейся до власти уборщицы непонятным образом оказались Брюнеткины документы – и паспорт, и страховой полис, и, что самое ужасное, – пропуск на работу, с адресом и всеми телефонами фирмы, производившей косметику, которую она пыталась распространять. Оставалось надеяться, что у хранительницы туалетной чистоты не хватит ума позвонить Брюнеткиной начальнице и доложить ей о подопечной-неудачнице, которая, не успев приступить к непосредственному выполнению своих обязанностей, позорно уснула в общественном сортире.

«Что это я в самом деле... – успокоила сама себя Брюнетка, – не станет же она звонить в мой офис. Зачем ей это надо? За стукачество премию не дают!»

И в этот момент уборщица, прищурившись, посмотрела на пропуск и выдала:

– Ну а пока сюда направляется охрана, позвоню-ка я, милая девушка, вашему начальству. Чтобы вам больше неповадно было смущать приличных людей. Надеюсь, вас уволят прямо сегодня!

БЛОНДИНКА

У Блондинки не было ни времени, ни средств для того, чтобы утопить себя в вязкой депрессии и размазывать сопли по лицу по поводу потери работы. Последнюю зарплату ей, разумеется, не выплатили. Начальник, искривив губы, сказал, что давно заплатил ей за ее жалкие услуги бартером – ликером, кофейными фильтрами и злополучной бутылкой виски.

В кошельке оставалась какая-то мелочь. В кухонном шкафчике – стратегические запасы макарон, консервов и круп, которые она держала на всякий случай. Она была неприхотлива в еде, к тому же считала, что экстренная диета двадцатисемилетней девушке никогда не повредит.

Ей срочно требовалась работа.

Обычно в подобных ситуациях (которые довольно часто имели место быть) она поступала так: звонила своей приятельнице с курсов секретарей Галочке и принималась плаксиво жаловаться на жизнь.

В рекламе курсов было сказано: наиболее способным обеспечим трудоустройство. Вот Галочка как раз и занималась поиском работы для выпускниц. И пускай Блондинку нельзя было назвать прилежной ученицей – она прогуляла половину занятий, а на другой половине красила ногти под столом. Но, видимо, было в ее облике что-то располагающее, потому что Галочка, мягко ее пожурив, всегда в конце концов сводила Блондинку с очередной фирмой, разыскивающей секретаршу. К тому же, слушательницами курсов были преимущественно девушки средних интеллектуальных способностей. А в активах Блондинки был неплохой разговорный английский язык (работодатели же не могли знать, что умение непринужденно болтать с иностранцами – это единственный плюс секретарши, которую их угораздило впустить в офис).

– Тебя опять уволили? – ахнула Галочка, когда Блондинка, запинаясь, изложила ей суть своей проблемы. – Настасья, но ты всего полтора месяца назад туда устроилась!

– Два с половиной, – мягко поправила она.

– Какая разница... Но что ты сделала на этот раз? Опять позволила шпиону из конкурирующей компании залезть в твой компьютер только потому, что этот шпион был высоким блондином? Как это с тобой случилось в «Файн Пи Ар»? Или обозвала жену президента компании усохшей мочалкой, как в «Дженерал Моделинг»? Пролила кофе на ноутбук? Сказала все, что ты думаешь о руководстве, забыв выключить громкую связь?

– Украла упаковку кофейных фильтров и бутылку виски, – честно призналась Блондинка.

Галочка потрясенно замолчала, похоже, информация не укладывалась у нее в голове. Блондинка терпеливо ждала.

– Какой кошмар, – наконец прошептала та, – ты понимаешь, что своим поведением порочишь наши курсы? Я еще могла простить тебе безалаберность, но воровство...

– И это ты называешь воровством? – хихикнула Блондинка. – Галочка, прекрати. У меня был... такой график, что я даже не успевала заскочить по дороге с работы в гастроном. И что мне было делать, кофе не пить утром, что ли?

– Ну ты и наглая, – не то возмущилась, не то восхитилась Галочка.

– И потом, кофеин вреден, это известно всем. Про виски я лучше вообще промолчу. Можно сказать, что я благородно спасла офис от проблем с сердечной мышцей и хронического алкоголизма. Да мне должны были премию выплатить. А меня уволили.

– Настасья, а ты знаешь, что все фирмы, на которые ты работала, звонили нам и грозились подать в суд?

– Нет, – удивилась Блондинка, – делать им нечего, что ли?

– И что наш директор под угрозой увольнения запретил мне тебя трудоустраивать?

Блондинка молчала.

– Настасья, ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Но своя шкура дороже. Я не могу рисковать работой, у меня двое детей. Так что...

– Ты мне не поможешь, – наконец дошло до Блондинки.

– Нет, – вздохнула Галочка, – но ты не падай духом! Знаешь, что я тебе советую? Обратись в кадровое агентство! Хочешь, дам адресок?

– И что я там скажу? – мрачно усмехнулась Блондинка. – Что я училась на курсах секретарш и попутно освоила профессию маникюрши, потому что во время лекций главным образом перекрашивала ногти? Что за последние семь лет я сменила сорок офисов и отовсюду была изгнана со скандалом?

– Не обязательно же им правду говорить, – засомневалась Галочка, – соври, что ты крутой профессионал, все равно же тебе уже нечего терять.

И в этот момент случилось нечто, что можно охарактеризовать разве что как везение. Внимание Блондинки неожиданно привлек работающий телевизор. Шел рекламный блок.

Весь телевизионный экран заполонила надменная физиономия фотомодели, которая выглядела как самовлюбленная стерва. Ее светлые волосы были стянуты в тугий пучок, светлые глаза прятались за стильными очками в черной прямоугольной оправе.

– Я работаю в банке, – уверенно сказала она, – мой успех зависит от других людей. Поэтому я всегда слежу, чтобы мое дыхание было свежим.

Дальше наигранно-веселый закадровый голос принялся нахваливать мятные пастилки. Фотомодель с деловитой улыбкой запихнула в рот сразу три.

Блондинка задумчиво нахмурилась. Ей-то сразу стало понятно, что жующая пластинки девушка с белоснежными зубами если когда-то и переступала порог банка, то только для того, чтобы завести там личный счет. Но ведь каким-то образом она умудрилась пройти кастинг на участие в этом рекламном ролике. Значит, другим людям ее образ показался убедительным. Подумать только: нацепила модные очки, зализала волосы, напялила костюм – и вот ты уже бизнес-леди.

Блондинка перевела задумчивый взгляд на зеркало. Кажется, она знала, как поступить.

– Галочка, – обратилась она к вежливо притихшей телефонной трубке, – я вот что подумала... Ты мне все-таки дай адрес того кадрового агентства. У меня есть план.

БРЮНЕТКА

В тот день, впервые за много лет, Брюнетка расплакалась. Вообще-то она по праву считала себя самостоятельной девушкой и была ассом в искусстве московского выживания. Но то были чрезвычайные обстоятельства.

Утешала ее та самая подружка, которая обеспечила пропуск на телевидение. Брюнетка сидела на холодной мокрой лавочке во дворе Телецентра и размазывала размоченную следами косметики по лицу. А подружка суежилась вокруг и пыталась уговорить ее хотя бы подложить под попу картонку – а то холодно же.

– Мне наплевать. Меня опять уволили. Я одинока и никому не нужна. Если я сдохну от двусторонней пневмонии, никто даже не придет на мои похороны.

– Я приду, – сердечно пообещала подружка и, спохватившись, добавила: – Тьфу на тебя, какие похороны?! Тебе всего двадцать семь.

– Вот именно, – мрачно ухмыльнулась брюнетка, – мне двадцать семь, и меня отправили в тираж. Мои родители в Хабаровске, и они меня не понимают. Я живу как старуха. Неинтересная работа. Вялые друзья. Дурацкие вечеринки. Пьяный секс. Вот она – моя жизнь. Я много пью, мало сплю, выгляжу старше своих лет.

– Может быть, тебя еще не уволят? – засомневалась подружка. – Передумают?

– Если честно, мне все равно, – шмыгнула носом Брюнетка, – консультант по косметике! Подумаешь! А до этого я работала секретарем на ресепшн, на телефоне сидела. Соединяла одних деловитых уродов с другими. А до этого разносила пиццу. А еще раньше продавала билеты в театральной кассе. Да, совсем забыла про музей никому не нужного зодчества. Там я была экскурсоводом. Правда, недолго, потому что руководство вычислило, что я не училась на историческом.

– Ты им соврала? – развеселилась подружка.

– А то! Я думала, что работать в музее интересно, вот и воспользовалась шансом. Откуда я знала, что они отправят запрос в университет? Я всего-то и сделала, что попыталась оживить экскурсию, соврав, что в здании нашего музея ранее проживал любовник Ивана Грозного. А они чуть ли не совращение малолетних на меня повесить хотели. Ну и что, что это была детсадовская группа? Да сейчас такие детсадовцы, нам с тобой по части разврата сто очков вперед дадут.

– А я тоже соврала, – решила не ударить в грязь лицом подружка, – когда на телевидение устраивалась.

– Да ну? – заинтересовалась Брюнетка.

– Да, – гордо подтвердила та, – ты же знаешь, я закончила литературный лицей, а в институт так и не поступила. А им, во-первых, сказала, что у меня красный диплом ВГИКа, где я училась на сценарном. А во-вторых, что я три года работала редактором в «Космополитене».

– Ну ты даешь. – Брюнетка даже плакать перестала. Она задумчиво нахмурилась, хотя пока и не понимала, как именно эта информация может помочь лично ей. – А если бы проверили?

– Не проверили бы, – махнула рукой девушка, – я же тебе говорила: на телевидении никому ни до кого нет дела. Иногда я удивляюсь, как наша программа вообще выходит в эфир.

– А как ты получила эту работу? По блату? – прищурилась Брюнетка.

– Какой там! Через кадровое агентство. Если надо, могу подсказать адресок. Просто я в один прекрасный момент решила: хватит мне получать копейки и прозябать. И сочинила себе блестящее резюме. Да меня с руками оторвали.

– Вот как, – задумчиво протянула Брюнетка. Ее лицо прояснилось, и только покрасневший кончик носа намекал на то, что последние десять минут она провела прилюдно рыдая, – знаешь, дай мне телефон этого кадрового агентства. Мне кажется, я знаю, что надо делать.

БЛОНДИНКА И БРЮНЕТКА

Они не понравились друг другу с первого взгляда. Брюнетка мрачно покосилась на Блондинку и подумала: «Вот самовлюбленная дура!» Блондинка делала вид, что присутствие Брюнетки ее волнует не больше, чем прыщ на посторонней физиономии. А сама думала: «Какой же у этой девицы нелепый вид!»

Обеим была назначена встреча с директором кадрового агентства «Золотые головы».

На Блондинке был строгий костюм в светло-серую полоску. Ее волосы были зализаны в интеллигентный хвостик, на лице – минимум косметики, в руках – кожаный плоский портфельчик для бумаг и стильный мобильный телефон. Она выглядела одновременно сексапильно и по-деловому. Время от времени мобильный звонил, и Блондинка, сдвинув холеные брови к переносице, принималась командным голосом отдавать распоряжения по поводу каких-то ваучерных фьючерсов и ссудных займов. Она легко и непринужденно жонглировала такими терминами, от которых у Брюнетки начиналась мигрень. В какой-то момент «самовлюбленная дура» перехватила ее ненавидящий взгляд и с очаровательной улыбкой пояснила:

– Я вице-президент банка.

– Что же вы делаете здесь, если вы такая успешная? – сочилась ядом Брюнетка.

– Хочу сменить работу, – пожалала плечами Блондинка, – конфликты с руководством.

– По поводу ваучерных фьючерсов? – Брюнетка попробовала изобразить понимание и показать, что она тоже не лыком шита.

– Что вы! Это, скорее, конфликт на... сексуальной почве.

– Да? – заинтересовалась Брюнетка. – Он к вам приставал?

– Мужчины, – развела руками Блондинка, – а вы? Вы потеряли работу?

– Все нет, – быстро сказала Брюнетка, которой не хотелось выглядеть неудачницей на фоне этой дуры с портфелем, – мне просто кажется, что я... достойна большего. Я продюсер.

– Да вы что? – У Блондинки загорелись глаза. – Снимите меня в кино, а? Ну хотя бы в крошечном эпизоде без слов. Это мечта моего детства... – Она кашлянула и быстро добавила: – То есть... была такая мечта, до того как я не решила работать в банке. Потому что в данный момент банковское дело – это для меня все.

– В любом случае, к кино я не имею никакого отношения. Много лет работаю на телевидении.

– Вообще-то я сразу так и подумала, – соврала Блондинка, – у вас такой богемный вид.

На Брюнетке были потертые джинсы, на которых бисером был вышит мультипликационный фаллос. Кожаный жилет как влитой сидел на ее сексапильной фигурке. На запястьях позвякивали дешевые браслеты – такие носят исполнительницы танца живота. Последний штрих образа городской сумасшедшей – тубетейка, которая смотрелась на ее голове чужеродным предметом. Сказать по правде, Брюнетка долго сомневалась, прежде чем показаться в таком виде людям, от которых зависит ее карьера. Но все же она набралась смелости и последовала зову интуиции, которая твердила, что телевизионные работники должны выглядеть именно так – ярко, сексуально, богемно и немножечко безумно (последний пункт, надо сказать, удался ей куда убедительнее первых трех).

– Я работала на всех центральных каналах, – заученно проговорила Брюнетка, подумав, что банковская скучная фифа пришлась как раз кстати: на ней она сможет отрепетировать предназначенную для кадрового агентства историю.

А Блондинка тем временем тоскливо слушала о том, как успешно развивалась чужая блестящая карьера («... факультет журналистики с красным дипломом, мне сразу предложили ставку редактора новостей на ОРТ, потом я чудом не стала лицом канала НТВ, потому что у меня яркая внешность, ну вы понимаете...»). Ей хотелось сбежать, предварительно двинув телевизионной задаваке кулаком в лоб, чтобы сбить с нее спесь. Ну, конечно, эту овцу в тубетейке, наверное, с руками оторвут. Предложат ей теплое местечко большого начальника с зарплатой в несколько тысяч долларов, чтобы ей было на что покупать очередные несуразицы. К тому же, она такая уверенная, даже наглая. Сразу видно, что она не сомневается в успехе.

– Послушайте, а вы совсем не волнуетесь? – вдруг спросила Брюнетка, закончив свой триумфальный монолог.

Блондинке показалось, что она видит в глазах телевизионщицы что-то похожее на понимание, и чуть было не «раскололась». Но вовремя опомнилась, сообразив, что не стоит выкладывать о своей безумной афере первой встречной.

– Нет, – улыбнувшись, сказала Блондинка, – чего мне волноваться? Я кантуюсь по банкам уже восемь лет!

Перехватив изумленный взгляд продюсерши, она поправилась:

– В смысле, работаю. Не обращайтесь внимания, это наш, банковский жаргон... А вы? Волнуетесь, что ли?

Поколебавшись несколько секунд, Брюнетка решительно ответила:

– Нет!

ГЛАВА 2 Эврика!

МИРА

Банковская Блондинка, представившаяся Настасьей, не пробыла в кабинете руководителя кадрового агентства и десяти минут. Когда она, самоуверенно улыбнувшись на прощание, скрылась за дверью, я принялась морально настраиваться на долгое ожидание. Наверняка они часами будут разглагольствовать о ваучерных фьючерсах, после чего длинноногую выскочку под барабанную дробь препроводят на свеженькое рабочее место. На прощание она подарит мне одну из своих отретепетированных улыбочек «я-лучше-всех-а-ты-просто-невезучая-куча-мусора».

Но получилось совсем не так. Не успела я вынуть из сумочки буклет с японскими кроссвордами (лучшее, кстати, средство для успокоения нервов), как дверь распахнулась, и Блондинка на полусогнутых выскочила в коридор. Ее и без того огромные глаза были душевраздирающе выпучены и напоминали два настольных аквариума, в которых мечутся перепуганные до полусмерти рыбешки.

– И чтобы больше ноги вашей здесь не было! – неслось ей вслед. – Скажите спасибо, что я не обратилась в милицию!!

Бац! Дверь захлопнулась. Бабах! Потом опять открылась. Вслед за Блондинкой вылетел и с глухим стуком шмякнулся об пол ее портфель. От удара замочек раскрылся, и я увидела, что его содержимым являются не деловые бумаги и банковские документы, а несколько последних номеров журнала «Космополитен». Когда я нагнулась, чтобы помочь ей поднять журналы, выяснилось, что Блондинке требуется не физическая, а, скорее, психологическая помощь.

Она села на пол, прислонилась спиной к прохладной стене, сняла очки, закрыла глаза и тоненько заскулила. Я присела на корточки рядом с ней.

– Эй! С вами все в порядке?

– Если бы, – не открывая глаз, простонала Великолепная Блондинка, – меня разоблачили...

– То есть как? – нахмурилась я. – Вы не подошли им по опыту? Потому что вы женщина? Или... Постойте, а вы правда работаете в банке?

– Нет! – открыв глаза, гаркнула она.

Я испуганно отшатнулась и нащупала свое личное сомнительное средство самообороны – зонтик-тросточку. Обычно я использую его в противовес наглým уличным приставам. Терпеть не могу вступать в беседу, которая начинается с фразы: «Девушка, а можно с вами познакомиться?» Обычно я даю предупредительный краткий сигнал в виде мрачного взгляда или лаконичной емкой реплики: «Отвяжись». Если же мимическая и вербальная оборона не действует, в ход идет зонт, деревянная рукоять которого оставила трагический след на десятках мужских физиономий.

Смогу ли я ударить женщину – вот в чем вопрос...

– Вы что, не понимаете? Я просто попыталась подойти к собеседованию творчески! Приготовила костюм, специально потратилась на портфель и очки.

Я подняла с пола ее изящные модные очки – стекла были простыми. У Блондинки было великолепное зрение. Я и сама не раз подумывала заказать себе такие – для солидности.

– Да не расстраивайтесь вы так, – неуверенно сказала я.

– Вам легко говорить. Вы пришли сюда с честными намерениями, – она неприязненно покосилась на мою тубетейку, – вы такая богемная, свойская... Вас с руками оторвут. А мне вот пригрозили милицией.

У меня засосало под ложечкой. Рассказать или не рассказать? Положа руку на сердце журналисткой прикидываться куда легче, чем банковским работником. Лжебанкира можно поймать на том, что он незнаком с экономической терминологией, в то время как журналистика никаких специальных знаний не предусматривает.

– Слушай, а как тебя разоблачили? Ты не смогла ответить, что такое эти... фьючерсы?

– Да я весь вчерашний вечер потратила на штудирование книжки «Шпаргалка экономиста». Проблема в том, что до разговора на профессиональные темы мы даже не дошли. Потому что меня попросили показать диплом, а диплома не было... Ладно... – Блондинка вздохнула, поднялась с пола и подобрала свой портфель, который выглядел так, словно ватага школьных безобразников каталась на нем с ледяной горы, – пойду. Здесь за углом есть приличный бар, самое время выпить глинтвейн. Может, повеселею.

– Я с тобой! – вырвалось у меня. Воображение у меня богатое. Я сразу же представила себе, как мы вдвоем сидим на высоких деревянных стульчиках у стойки и бармен рассказывает нам бородастые анекдоты, а мы смакуем горячее, пахнущее корицей и апельсинами вино.

Блондинка удивилась.

– А тебе разве не надо... – она вопросительно посмотрела на дверь.

– Понимаешь, дело в том, что я ведь тоже... – продолжить откровенное признание я не успела, потому что дверь распахнулась и появившаяся на пороге женщина, похожая на эссэсовку, велела мне войти внутрь.

Она назвала меня по имени, и я не знала, что ей ответить – сразу выпалить правду, надеясь, что чистосердечное признание смягчит приговор, или прикинуться придурковатой героиней американской комедии, соврать, что у меня расстройство желудка, и, согнувшись в три погибели, умчаться в сторону сортира – только меня и видели.

– Лебедева! – гаркнула кадровичка, глядя мне в глаза. – Так и будете здесь стоять? А ну быстро в кабинет!

Обреченно вздохнув, я последовала за ней.

* * *

Иногда мне трудно поверить в принадлежность некоторых индивидов к человеческой расе.

Вот, к примеру, я никак не могла представить себе, что особа, сидящая передо мною, мало отличается от самой меня в своих бытовых проявлениях.

Что у нее тоже бывают месячные, что иногда ее бросают мужчины, и тогда она в сотый раз пересматривает «Когда Гарри встретил Салли» и плачет. Что она копит деньги на вечерние туфельки, точь-в-точь такие, какие были на Кэрри из сериала «Секс в большом городе», когда она впервые отправилась на свидание к Мужчине Своей Мечты. Что она любит суши, текилу и пончики с ванильным кремом, что она боится депиляционного воска и крыс.

Я бы с большей готовностью поверила, что по утрам она отвинчивает левое ухо, заливает в образовавшуюся воронку немного бензина, смазывает маслом суставы, чтобы не скрипели, удаляет из памяти ненужные файлы и врубает рабочую программу, нацеленную на то, чтобы морально уничтожить таких нерях и распустех, как я.

Кадровичка была довольно хороша собой, и в то же время в ней не было ничего женственного. Правильные черты лица, густые волосы, хорошие зубы, четко очерченный крупный рот – несмотря на такие выигрышные данности, едва ли хоть один мужчина обернулся бы ей вслед. От нее так и веяло арктическим холодом. Ее губы были плотно сжаты, а глаза

прямо и жестко смотрели из-под прямоугольных очков – почти таких же, как у Блондинки. На ней был черный строгий костюм с юбкой миди и немодные туфли на низком каблучке.

– Странное у вас имя, – наконец сказала она, сверившись с бумагами, – Мира. Вы, должно быть, Анна?

– Да, – промямлила я, – по паспорту. Но так меня никто не называет, да и... Что касается журналистики, то Мира Лебедева – это имя, которое уже известно в определенных кругах.

Нахальная ложь была отрепетирована заранее. Подружка посоветовала мне быть наглее и увереннее. Тогда, сказала она, собеседники будут пасовать передо мной. Закон джунглей. Густая, четко выщипанная бровь кадровички поползла вверх. По всей видимости, она не была знакома с правилами элементарной психологии. Или просто пасовать не привыкла.

– Очень странно. Во-первых, я о вас ничего не слышала. А во-вторых, насколько мне известно, журналисты обычно не ищут работу через кадровое агентство.

– А как? – севшим голосом поинтересовалась я. – Как же они ищут работу?

– По знакомству, – на ее лице не дрогнул ни один мускул, – я и сама раньше работала на радио и прекрасно осведомлена о законах стаи. Как только начинаешь вариться в сфере СМИ, тотчас же обрастаешь нужными связями. И если надумываешь сменить место, то тебе поступает сотня предложений... Если ты, конечно, ценный кадр.

– Такие предложения, конечно, есть, – нашлась я, – но я считаю... Считаю, что надо использовать все возможности.

– Похвально, – нахмурилась она, – и какую позицию вы хотели бы занять?

Я совершенно неуместно хихикнула, припомнив, что точно с таким же текстом обратился ко мне похожий на Джонни Деппа бармен, когда мы раздетыми оказались на его холостяцком ложе.

– Вообще-то... Мне хотелось работать бы редактором, – выдохнула я и поспешила добавить: – Хотя от вакансии журналиста тоже не отказалась бы.

– На телевидении, – уточнила кадровичка, пристально взглянув на меня поверх очков.

– Именно, – важно подтвердила я, радуясь тому, что невинная ложь, судя по всему, сошла мне с рук. Не так уж и страшна эта дама. Наверное, Блондинка просто не смогла найти к ней правильного ключика. В какой-то момент мне даже показалось, что черты ее лица смягчились. Возможно, кадровичка тоже носит маску железной леди, а на самом деле она милая домашняя женщина. Мы обе играем роль. Мы должны понять друг друга. Может быть, заговорщицки ей подмигнуть, чтобы она окончательно поняла, что мы с ней из одного теста?

– И каким же именно редактором вы хотели бы стать? – прищурилась она.

– В смысле? – надеюсь, не надо объяснять причины моей растерянности.

– Выпускающим редактором, литературным редактором или, может быть, шеф-редактором? – медоточиво улыбаясь, уточнила она.

Решив, что наши отношения уже давно перешли грань официальной беседы начальницы с подчиненным и что все последующие детали являются лишь неременной формальностью обретения престижного рабочего места, я позволила себе бестактный вопрос (да еще и сопроводила его беспечным подмигиванием):

– А в чем разница?

Вот тогда-то ее строгое лицо и побагровело, тогда-то оно, исказившись, и приобрело черты того бездушного монстра, о котором запуганно вещала моя коридорная собеседница.

– Две обманщицы за день, – прошипела она, – вон!

– Но я...

– Я вполне имею право подать на вас в суд. Вы знаете, сколько стоит мое время! Я пахала всю жизнь и устроилась на это место вовсе не для того, чтобы две безголовые девицы устраивали для меня театр одного актера!

НАСТАСЬЯ

За четверть часа одинокого пребывания в баре за углом я успела:

А) опорожнить две с половиной емкости с ароматным глинтвейном (заказывая очередную порцию, я утешала себя, что дело тут не в моем набирающем обороте алкоголизме, а в том, что бокалы в дурацком баре рассчитаны на морскую свинку);

Б) выслушать печальный рассказ о трагической судьбе бармена, которому никогда не встречалась такая красавица, как я, и его же пламенные заверения, что он бы разбился ради меня в лепешку (при условии, что я согласилась бы прямо сейчас показать ему грудь);

В) принять четыре предложения поужинать и восемь – переспать.

В тот момент, когда я подумала: а не заняться ли мне профессиональной проституцией, все равно же я никому не интересна, кроме сексуально озабоченных мужиков, – в баре появилась та странная девица из кадрового агентства. Ее нелепая тубетейка позорно съехала набок, короткие черные волосы были всклокочены, верхняя пуговичка жилета расстегнулась, предоставляя окружающим великолепную возможность полюбоваться на ее (довольно впалую) грудь.

Сначала моей реакцией на ее появление было праздное любопытство. И только потом я сообразила, что наша встреча не случайна – девица пришла сюда, чтобы разыскать меня. Но зачем? Уж не для того ли, чтобы в моей жалкой компании отпраздновать собственный карьерный взлет? Если так, то ничего не выйдет. В моем душевном состоянии можно дружить только с неудачниками, такими же, как и я сама.

Мы встретились глазами, и ее лицо прояснилось. Она энергично помахала мне рукой, едва не прибив ладонью какого-то субличного алкаша, который отирался позади нее и вытягивал шею с явным намерением поближе взглянуть на ее смело выпяченную (хотя про такой размер лучше сказать «смело вогнутую») грудь.

– Привет, – немного удивленно поздоровалась я, – не ожидала... Ну что, приняли тебя на работу?

– Не-ет! – расхохоталась она, присаживаясь рядом и хватаясь за коктейльное меню. – А я боялась, что ты не дожدهшься. Понимаешь, я ведь тоже обманула.

– В смысле? – насторожилась я.

– Никакая я не журналистка. И никогда не носила таких дурацких вещей. – Она сорвала с головы тубетейку и хлопнула ею о стол. – Мне подружка посоветовала. Сказала, что все равно никто не будет проверять фактов, направят меня в телепрограмму, а там, если постараюсь, смогу сойти за свою... Но ничего не вышло. Эта церберша меня быстро разоблачила. Даже диплом не потребовался.

До меня медленно, но верно доходил смысл ее слов. Я смотрела на странную девушку, и мне казалось, что сквозь налет надуманной богемности в ней проступают человеческие черты.

– Так ты... Тоже играла роль? – уточнила я, хотя и знала ответ заранее.

– Ну да. – Она радовалась моему пониманию, как будто бы я была ее первой учительницей, перед которой было особенно важно оправдаться и не замарать репутацию.

– Значит, мы обе не получили работу...

– Мы обе в полной заднице и можем со спокойной душой за это выпить, – радостно подтвердила она и, протянув не слишком ухоженную ладошку, представилась: – Мира.

– Настасья...

Мне не верилось, что в круговерти фирменной московской безразличности мне вдруг встретился кто-то, цепляющийся за оптимизм столь же отчаянно, как и я. Просто не может быть, что дела ее так же плохи, как и мои. Наверное, за ее спиной маячит готовый помочь

влиятельный папаша, а то и богатый любовник, снисходительно вззирающий на ее попытки обрести самостоятельность. Я давно приняла к сведению одну из главных мировых несправедливостей: достойные покровители не обязательно достаются женственным привлекательным особам.

– И что же ты теперь собираешься делать? – осторожно спросила я.

– Не знаю, – все так же беспечно ответила брюнетка, – может, продать себя? Как ты думаешь, кто-нибудь купит?

Ее ищущий взгляд заметался по бару. Никто не обращал на нее внимания, несмотря на смелый наряд.

– Если вымоешь голову как следует, может, и купит, – съязвила я, – но дорого точно не даст.

– Ну ты и идиотка... – беззлобно протянула она, – но у тебя самой проблем с этим, видимо, нет?

Она старалась казаться таким насмешливым циником, чей острый ум давно вознес его в ранг временами обидной, но все-таки почетной бесполой лучшей подруги и советчицы мужчин. Но я-то ощущала некоторую неловкость, которую всегда испытывает дама с обкусанными ногтями, вдруг оказавшись в обществе подружки с французским маникюром. Она все рассматривала исподтишка мою остроносую туфлю.

Мира и понятия не имела, что нечаянно всем своим весом наступила на мою больную мозоль.

Я и богатые мужчины – история отдельная и существующая вопреки законам мироздания, гласящим о том, что у каждой барбиобразной блондинки должен иметься в наличии одушевленный кошелек. Будучи особой, не обремененной строгими моральными принципами, я сто раз пыталась решить вечные финансовые проблемы самым простым из возможных путей, который в итоге оказался для меня неразрешимой задачей. Жить за счет мужчины – что может быть естественнее? Расквитаться с опостылевшей унижительной бедностью, предложив шелковистость бесконечных ног и ослепительность не тронутой стоматологами улыбки в обмен на некоторые блага, дающиеся тем, в чьем кошельке не иссякает золотой запас. Как и большинство носительниц двойной морали, я и не помышляла о том, что сделка может быть совершена по примитивнейшей торговой схеме «товар-деньги-товар», – стать проституткой мне бы не позволила гордость. Хотя у одного моего экс-однокурсника хватило наглости предложить мне стать звездой организованного им салона интим-услуг. «Все равно, Настасья, из тебя толку не выйдет, – похохатывая, сказал он, – так хоть на шубку заработаешь».

Многие мои приятельницы были содержанками, постоянными любовницами измученных работой и монотонным браком бизнесменов. Их жизнь казалась мне недостижимо прекрасной. В то время как я уныло просиживала штаны сначала на курсах секретарш, а потом в бесконечных офисах, они мотались по салонам красоты, фитнес-клубам и личным психотерапевтам. Вечером мы иногда встречались за чашкой кофе, и они, скорбно причмокивая, жаловались на усталость («О, я стоптала все ноги, пока толклась в ЦУМе! Но что мне оставалось, ведь привезли новую коллекцию...»). А мне приходилось держаться бодрячком, чтобы не ударить в грязь лицом.

Кто бы знал, как мне хотелось поменяться с кем-нибудь из них местами! Просыпаться от запаха колумбийского кофе, сваренного домработницей. Три часа маяться перед шкафом, решая, что надеть. Доводить до слез маникюршу, требуя безупречности. Жаловаться психотерапевту на то, что меня мучают кошмары – третий день снится целлюлит.

Многие из этих счастливиц были настолько хорошенькими, что могли бы сделать подиумную карьеру. Но некоторые – и они раздражали меня больше всего – были гораздо, гораздо менее выразительными, чем я сама.

Например, моя бывшая однокурсница Люда была похожа на Келли Осборн. К тому же для нее было характерно полное отсутствие чувства юмора и некоторая заторможенность мышления. Ее мысли ворочались медленно, как впадающие в зимнюю спячку домашние черепахи. И что вы думаете? Нашла себе директора какого-то провинциального завода, который мало того, что купил ей квартиру и регулярно пополнял Людкину кредитку, так еще и досаждал ей своим присутствием не чаще, чем три раза в год! Они познакомились в консерватории, куда Людка зашла – звук фанфар – потому что там есть бесплатный туалет. А директор завода увидел в ней тонкую натуру. «Моя внучка твоя ровесница, – расставил точки над *i* старый ловелас, – но она посещает исключительно распродажи в торговых центрах. А ты вот в консерваторию ходишь, уважаю!» И вот теперь Людка как сыр в масле катается и тоже ходит по распродажам, как директорская внучка. А я... Ох, да что там.

После этого случая я тоже зачастила в консерваторию и в Концертный зал Чайковского (там у входа есть отличное кафе «Делифранс»). Я даже зашла совсем далеко – купила абонемент и раз в неделю ходила спать под звуки скрипки. Но почему-то со мною пытались познакомиться не щедрые директора завода, тронутые моим высоким культурным уровнем, а плешивые интеллигенты. Так что скоро я это дело забросила.

Только один раз в жизни на мою долю выпал счастливый билет. Который я умудрилась благополучно «профукать».

Однажды, зимним вечером, я задержалась в офисе допоздна, потому что моему начальнику приспичило навести порядок в архивах. Ему не пришла в голову мысль о том, что его-то у подъезда дожидается теплый служебный автомобиль с личным водителем, а мне приходится ждать автобуса до метро.

В половине одиннадцатого вечера на автобусной остановке не было народу. Видимо, все понимали, что это дохлый номер – дожидаться общественного транспорта в такой безнадёжный час. На мне был коротенький пуховичок и красивая черная юбка, которую я надела по причине ее новизны, наплевав на двадцатиградусный мороз. В общем, спустя десять минут бесплодного ожидания автобуса я поняла, что если так пойдет дальше, то вечер закончится ампутацией моей пятой точки по причине ее обморожения. И в тот момент, когда я уже собиралась бессильно зарыдать, меня окликнули:

– Девушка! Как вам не стыдно так одеваться в такой мороз!

Голос доносился из приоткрытого окна джипа марки «Лексус». Стекло было тонированным, так что я не могла разглядеть заговорившего со мной мужчину.

– Садитесь уж, – дверца «Лексуса» гостеприимно распахнулась, – подвезу, куда вам надо.

Я была постоянной зрительницей передачи «Дорожный патруль», поэтому могла без запинки ответить, что ждет девушку в мини-юбке, осмелившуюся беспечно сесть в машину к незнакомцу. Но в тот вечер мне было не до телевизионных страшилок. Я была доведена до отчаяния и решила, что даже если в машине окажется два десятка лиц кавказской национальности, у которых есть намерение меня изнасиловать, то все равно это лучше, чем сдохнуть от холода на автобусной остановке.

– Ага... – шмыгнула я покрасневшим носом, – я сейчас!

И, одернув юбку, нырнула в теплую пещерку шикарного авто.

Вместо двух десятков лиц кавказской национальности меня приветствовал картинно красивый брюнет лет тридцати пяти. Он был небрит, носил серый свитер «Хуго Босс» и смотрел на меня так доброжелательно, что я тут же почувствовала себя в полной безопасности. Правда, разговаривать я не могла по причине тотального обледенения губ.

– Э, да ты совсем превратилась в снегурочку, – рассмеялся он. И протянул мне фляжку коньяку, оказавшуюся в бардачке.

Его звали Марат, и я влюбилась в него с первого взгляда. Честное слово, раньше я никогда не встречала таких мужчин. В тот вечер я так и не попала домой. Не знаю, что это было – страсть, любовь, легкомысленность. Я забыла и о том, что приличные девушки не отдаются мужчинам, с которыми знакомы считанное количество минут. И о том, что завтра мне рано вставать. И о том, что у меня драные колготки, наконец. Я просто поплыла по течению, с детской уверенностью, что наша ночь не закончится никогда.

Однако по законам физики ночь закончилась, когда ей и было положено, – утром. Я проснулась в его роскошной квартире на Рождественском бульваре, на его плече. Знаю, прекрасно знаю, как склонные к эпизодическому донжуанству мужчины поступают с легкодоступными девушками. Они просто-напросто исчезают из жизни дурех раз и навсегда. Вышвыривают использованных красоток вместе с использованными в их компании презервативами.

Но все получилось совсем не так, будто бы на несколько месяцев меня выдернули из живущей по законам джунглей реальности и поместили в уютную надуманность сентиментального романа.

И это был самый красивый роман в моей жизни. Через неделю Марат предложил мне переехать к нему. Он не жалел на меня ни времени, ни средств. И вот что интересно – он дарил мне пальто от «Валентино», а мне было все равно! Он предлагал – поехали в Милан, в шоп-тур. Все мои подруги-содержанки обожали отовариваться в Милане, я тысячу лет мечтала о том, что в один прекрасный день попаду в столицу дешевой дизайнерской одежды, а тут... Я ответила ему: «Нет, поехали лучше в Архангельское, побродим по аллеям, поговорим!» Я была влюблена как кошка, и меньше всего на свете мне хотелось, чтобы Марат подумал, что причиной тому являются его деньги.

Впервые в жизни у меня появилась возможность трясти мужчину, как плодородную августовскую яблоню, впервые я нашла неиссякаемый источник дорогих подарков. И не будь я такой романтичной идиоткой, могла бы в корне изменить свою жизнь.

Марат предложил подарить мне квартиру, а я ужаснулась и устроила истерику, испугавшись, что он больше не хочет вместе со мною жить. Ему пришлось полтора часа отпавивать меня «Новопасситом» и поклясться на ключах от своего любимого «Лексуса», что больше он никогда не посмеет заговаривать со мной о недвижимости.

Он предложил мне оформить кредитную карточку, а я сказала, что деньги меня не интересуют (дура-дура-дура!).

Он сказал, что в ближайшую субботу сводит меня в «Третьяковский пассаж» за новыми туфельками, а я ответила, что мне наплевать на моду, главное – внутренний мир, и вообще – мне вполне нравится топтать в обуви из бюджетного магазина «Ж».

Марат считал, что я немного не от мира сего, а мне это нравилось. Я упивалась своей немодной бескорыстностью, я восхищалась своей средневековой честностью и по-домостроевски покорными замашками. Да, я не такая, как все. Да, я из редкой породы девушек, которые из-за агрессивной атаки гламура не потеряли человеческое лицо.

Подружки говорили мне: опомнись! Но я только презрительно смотрела на их очередные новые брильянты и пожимала плечами: просто мы идем по разным дорожкам, и еще не известно, кого ждет на финише хрустальный дворец. Я им больше не завидовала.

Я не учла одного-единственного обстоятельства, которое оказалось для меня роковым, – целомудренность девушки еще не является гарантией, что ее не бросят.

В один прекрасный день Марат сказал: «Нам надо поговорить». А дальше началось – дело не в тебе, а во мне и так далее... Оказывается, Марат – влюбчивая натура и ничего не может с этим поделать. Он думал, что влюблен в меня, но на прошлой неделе ему встретилась некая фотомоделль Лика, и выяснилось, что в нее он влюблен чуточку больше. После чего мне в деликатной форме было велено упаковывать свои ботиночки из «Ж» и рыноч-

ные кофточки в чемоданы и отчаливать восвояси. В качестве моральной компенсации Марат предложил мне брильянтовый комплект, но я и напоследок умудрилась проявить чудеса идиотизма. Сережки и кольцо полетели ему в лицо. На самом деле я, конечно, рассчитывала, что, потратив пару недель на ублажение фотомодели Лики, он поймет, какая она корыстная тварь, и вернется ко мне. Но летели дни, месяцы, а ничего подобного не происходило. А потом через общих знакомых я узнала, что фотомодель Лика и Марат счастливо живут в его квартире на Рождественском бульваре. Лике подарен «Мерседес» и тот самый прощальный комплект, и, кажется, она всерьез намерена отвести Марата в загс.

«Кисуля, ты просто немного перегнула палку, – сказал мне лучший друг Марата, – притворяясь девочкой-припевочкой, ты сначала держалась в рамках, но потом немножко переиграла». – «Но я не играла вовсе, – потрясенно прошептала я, – я просто его любила, вот и все...»

Все это я и рассказала Мире, сгорбившись на неудобном барном стульчике. А она сочувственно чмокала и заодно следила, чтобы не прерывался процесс наполнения моего бокала глинтвейном. В итоге от душещипательных воспоминаний и красного вина у меня покраснел нос и увлажнились глаза. А Мира решила, что я на грани истерики, и полезла ко мне обниматься. Впрочем, наполненная до краев моими самыми болезненными воспоминаниями, она казалась мне почти родной, поэтому я ничего против не имела.

– Мне вот тоже с мужиками не везет, – вздохнула она, – конечно, если бы за мной приударил миллионер, я бы не растерялась... Но беда в том, что возле меня не задерживаются даже обычные, ничем не примечательные мужчины.

И она рассказала историю о каком-то Невероятно Сексуальном Денисе Петровиче, который клялся ей, что он будет рядом, что бы ни случилось, а потом исчез, когда она сходила в кино с его лучшим другом.

– Ничего себе, – поразилась я, – такой ревнивый... Из-за какого-то кино.

– Беда в том, что этот его лучший друг проводил меня до дома. И в тот же вечер ко мне без предупредительного звонка принесло Невероятно Сексуального Дениса Петровича. И он застал нас целующимися, – беспечно объяснила Мира.

– Ну ты даешь! Целоваться с его лучшим другом!

– Изначально это был дружеский поцелуй в щеку, – неумело оправдалась Мира, – а потом... Как-то само вышло... Да и с Невероятно Сексуальным Денисом Петровичем я тогда была знакома всего неделю. Вот я и переориентировалась.

– Тогда в чем же претензия к Денису Петровичу? – продолжала недоумевать я.

– Нет, ну он же обещал быть рядом со мною всегда, в независимости от обстоятельств. И тут на тебе! Выкинул такой финт!

– Ты неподражаема, – расхохоталась я.

Зардевшись, польщенная Мира поведала мне еще несколько баек из своей бурной личной жизни. Например, историю о Компьютерном Гении, с которым она познакомилась по Интернету. У них так все хорошо начиналось. Через две недели Компьютерный Гений окончательно понял, что Мира – это находка, родственная душа. И выдал ей ключи от своей холостяцкой квартиры. И что же сделала Мира, впервые оказавшись наедине с его домашними животными – тараканами? Элементарно, Ватсон, – она включила его компьютер и принялась с дотошностью детектива шарить по потаенным папкам. Естественно, в конце концов были ею обнаружены фотографии других девушек Компьютерного Гения. Целая коллекция снимков, иногда весьма откровенных. Естественно, Мира не смогла смолчать и выдвинула Компьютерному Гению вполне логичные обвинения. Тот растерялся и начал путано объяснять, что отношения с обнаженными фотокрасотками остались в прошлом. Но потом оправился от шока, решил, что лучшая защита – это нападение, и обвинил Миру в том, что она посмела

нагло и без спросу влезть в его личные файлы. В итоге Мира с позором была изгнана из дома (а заодно и из жизни) Компьютерного Гения.

– Но в чем-то он прав, – засомневалась я, – влезть в чужой компьютер – это же все равно как прочитать чужой дневник...

– Я считаю, что между влюбленными людьми не должно быть никаких секретов, – со свойственной ей безапелляционностью заявила Мира.

С каждой минутой она нравилась мне все больше и больше.

Более того – проводя сравнительный анализ наших биографий, мы с удивлением находили их похожими! Две двадцатисемилетние кокетливые бездельницы встретились за бокальчиком глинтвейна в самый беспросветный период своей жизни.

– Что же нам делать? – Развела руками Мира, когда с обоюдным обсуждением личной жизни было покончено. – Денег у нас нет, работы и мужчины тоже, продавать себя мы, как выяснилось, не умеем...

И тогда в мою голову пришла замечательная идея.

– Слушай, если у нас и правда почти нет денег, то какого черта мы тратим их остатки в этом баре? Поехали лучше в гости... Например, к тебе, а то у меня бардак. По дороге купим замороженную пиццу или «Крошку-картошку» и продолжим разговор!

– Ко мне? – нахмурилась Мира.

– Я не клофелинщица, – на всякий случай поспешила заметить я, – и могу свой паспорт показать!

– Паспорта я проверяю только у мужчин, – рассмеялась Мира, – чтобы проверить, не врут ли они о своей неженатости... Что ж, пицца так пицца. Поехали ко мне.

МИРА

Иногда я думаю – где же тот момент X, в который моя жизнь вдруг изменилась, непредсказуемо и в корне? Случилось ли это, когда металлический голос начальства сообщил мне об увольнении? Или когда я стояла перед разверстым недром гардероба, выбирая самые безумные вещи, чтобы сойти за богемную особь? Или когда блондинка в модных очках чеканным голосом разглагольствовала о фьючерсах, а я улыбалась, а сама тихо ее ненавидела, причем, как выяснилось, зря? Или все-таки когда я опрометчиво разрешила Настасье переступить порог священной в своем одиночестве моей квартиры?

Почему мы сразу же, с первого дня знакомства, стали так близки? Почему я смотрела на блондинку и даже не сомневалась, что ей суждено стать моей лучшей (и единственной) подругой на долгие века? С какой стати я сразу же ей поверила?!

Считается, что встретить своего двойника – плохая примета. Я смотрела на Настасью, а видела себя саму, и это неожиданное открытие клокотало в моем нутре закипающим бульончиком. Если бы я озвучила эту огорошившую меня мысль посторонним людям, они бы посмотрели на меня с жалостью и покрутили бы указательным пальцем у виска, намекая на мою психическую нестабильность. И в самом деле, какая тут может быть идентичность, если встречные мужчины смотрят на меня только после того, как их взгляд пресытился яркой и безупречной красотой моей новоявленной подруги? Какая тут может быть схожесть, если у нее ноги длиннее сантиметров на пятнадцать, если у нее белые волосы и белые зубы, если она – самоуверенная хохотунья с обложки журнала «Шейп». А я – ленивая расплывшаяся клуша, которую вот уже несколько лет атакуют непримиримые лишние килограммы, которая близоруко шурится, когда читает газеты в метро? Какое может быть сестринство, если я практически спиваюсь, а она два раза в неделю ходит в Институт красоты на витаминные уколы?

Тем не менее я не знаю сестер, похожих друг на друга до такой степени, как были похожи мы с Настасьей.

Мы обе сразу поняли, что случайная встреча в коридоре кадрового агентства – это не просто лишняя графа во внутреннем файле «Знакомства с интересными людьми».

Я пригласила Настасью в гости. В тот момент, когда ее сапожок «Вичини» переступил порог моей темной пыльной квартиры, я знала ее от силы два часа. Это был нонсенс. Видимо, в детстве в мою восприимчивую к прописным истинам голову слишком сильно сбили лозунг «Мой дом – моя крепость». Гостей я не люблю. Более того, чувствую себя крайне неуютно, когда на мою личную территорию попадает посторонний элемент. Чужие любопытные взгляды в сторону наскоро прибранной постели или забытой засохшей розочки в граненом стакане, покорно свыкшейся с неприхотливым интерьером, казались мне почти посягательством на личную жизнь.

А особенно я терпеть не могу, когда случайные гости начинают вести себя раскованно, по-хозяйски. Когда они осмеливаются сделать мне выговор за то, что у меня неприбрано и пыльно. Когда они без разрешения хватают с полки мои фотографии в рамках из «Икеи», да еще и приговаривают: «Эх, мать, была и ты когда-то молодой!»

* * *

– С ума сойти! – воскликнула Настасья, обеими руками схватившись за позолоченную рамочку под старину и опрокинув при этом фарфоровую цветочную вазу (от которой не замедлил отколоться тюльпан, и я, стиснув зубы, вежливо сделала вид, что ничего не замечаю). – Мира, неужели это ты?! Какая красotka!

На той фотографии мне было восемнадцать лет. Не думаю, что я настолько сильно изменилась, чтобы переводить изумленный взгляд с моего немного отечного из-за вечерней бутылки вина лица на хорошенькую барышню, свежесть полей, наивно улыбающуюся с фотки. Да если меня накрасить и причесать и правильно выставить свет, а потом еще и обработать получившийся снимок в фотошопе... Тогда я и сейчас могла бы выглядеть ничуть не хуже.

Стиснув зубы, я вырвала у нее фотографию. Настасья ничуть не смутилась, она была двадцатисемилетним ребенком, который сам себя избаловал настолько, что понимание непрозрачных намеков было ему несвойственно.

– А это тоже ты? – Она схватилась за другую рамочку. – Мира, что же ты так себя запустила?!

Не дожидаясь ответа, наглая гостья прямо в уличных туфлях прошествовала на кухню, присела на корточках перед холодильником и принялась задумчиво рассматривать мой любимый голландский сыр, за который я отдала целых 600 рублей, потому что он несколько лет плесневел в Амстердаме по каким-то особенным элитным технологиям.

– Даже и не думай об этом, – ринулась к ней я, – это сыр не для сиделок с подругой. А для того, чтобы произвести впечатление на мужчину.

– У тебя же нет мужчины, – удивилась Настасья, быстро пряча руку с сыром за спину.

– Ну так будет, – прикрикнула я, – мужчины нет, а сыр уже лежит в холодильнике, как его предвестник.

Настасья понюхала сыр и поморщилась.

– Знаешь, я хочу попробовать. – Не успела я и глазом моргнуть, как ее ухоженные акриловые ногти продрали дыру в красивой розовой фольге, в которую было упаковано мое покрытое плесенью чудо.

К моему ужасу, Настасья укусила сыр и блаженно зажмурилась. Вот и пускай после этого в дом незнакомых девиц, пусть даже они и кажутся тебе родственными душами.

– Вкусно, – вынесла она вердикт.

– Еще бы, – мрачно согласилась я, – лучше спроси, во сколько он мне обошелся. Ладно уж, Мисс Бесцеремонность, выкладывай его на стол. Вот тебе и «Крошка-картошка».

– Мира, ты на меня не сердись, – загадочно улыбнулась Настасья, – мне вдруг в голову пришла одна безумная мысль... Если тебе она покажется дикой, можешь выкинуть меня в окно.

– Мысль стать лесбиянками? – усмехнулась я. – Насть, как же это все не ново. Я думала об этом тысячу раз. Можно было бы носить одежду друг друга и вместе измываться над ничего не понимающими мужиками. Только вот...

– Да ну тебя! – перебила она. – Во-первых, даже если бы я интересовалась женским полом, то выбрала бы кого-нибудь посексапильнее тебя. А во-вторых, твоя аргументация провисает. Мы не смогли бы меняться одеждой, потому что ты толще меня на полтора размера. Но не в этом суть.

Я удивленно смотрела на блондинку, которая, похоже, полностью оправилась от потрясения, связанного с загубленной карьерой, чувствовала себя в моей квартире как рыба в воде и небрежно откусывала от сыра, на который я и дышать-то боялась по причине его дороговизны. От сыра, предназначенного для моего будущего любовника.

– Не нравится мне у тебя, – она со вздохом осмотрелась по сторонам.

– Тебя никто не приглашал, сама напросилась, – я начала выходить из себя.

Мне отчего-то было неприятно, что она так пристально рассматривает каждую деталь моего жилища. Такое странное чувство вдруг возникло – словно это не моя квартира находилась в любопытном объективе, а я сама была распластана на гинекологическом кресле перед группкой смущенно перешихивающихся студентов-медиков. Ни одной мелочи не пропустила Настасья. Ее наглый ищущий взгляд надолго задержался на пыльной поверхности старомодного комода, заставленного фарфоровыми фигурками. Забавно, но почти все фигурки приехали в Москву со мной, хотя во всех своих прочих проявлениях я вовсе не склонна к столь сентиментальным жестам. Мне просто хотелось, чтобы в чужом городе была хотя бы одна частичка гарантированного уюта. Частичка моего детства.

Она недовольно посмотрела на хрустальную люстру. На зеркало в дешевой металлической раме. На мешански-трогательные вазочки на подоконнике. На чайный гриб, разросшийся в трехлитровой банке.

– Если бы я увидела фотографию твоей квартиры, подумала бы, что в ней живет старушка, а не молодая девушка, – насмешливо сказала Настасья.

– У меня нет ни денег, ни времени на уют, – мрачно оправдалась я, доедая божественный сыр, вкус которого на фоне разочарования вдруг показался мне тошнотворным. И как я могла лелеять в холодильнике эту заплесневелую дрянь, похожую на стоптанную старушечью пятку? – Целый день верчусь как белка в колесе. А еще надо выглядеть.

Со вздохом я провела ладонью по спутавшимся за день волосам. Никак не могу привыкнуть себя носить в сумочке расческу.

– Скажи, а тебе нравится здесь жить? – прищурилась Настя. – Тебе не противно возвращаться сюда по вечерам? Включать эту жуткую люстру, сидеть в одиночестве в окружении кошмарных вазочек? Тебе здесь не одиноко? Неужели тебе никогда не мечталось о лучшей жизни?

– Я что-то не понимаю, к чему ты клонишь. Предлагаешь мне заняться поиском мужа через Интернет? Пытаешься обвинять меня в том, что я одинока и бедна?

– Слишком глубоко копаешь, – радостно рассмеялась Настасья, – предлагаю тебе переехать ко мне. Могу прописать тебя в своей квартире. Думаю, мы с тобой легко уживемся.

Я покосилась на телефон – интересно, сколько времени понадобится мне на то, чтобы, сорвавшись с места, набрать заветные цифры «03» и вызвать психиатрическую перевозку?

Настасья прочитала мою мысль даже раньше, чем я успела додумать ее до конца. Впоследствии я часто удивлялась, как в одном человеке могут ужиться почти феноменальная проницательность и чудовищная неприспособленность к жизни?

– Думаешь, я спятила? – спокойно улыбнулась она. – Не волнуйся, если я и сумасшедшая, то не буйная. Сначала выслушай меня, а потом можешь выгнать вон.

– Ну, говори, – смягчилась я, решив, что лучше уж не вступать в спор с умственно неполноценными гостями.

После чего Настасья, калачиком свернувшись на моем неудобном угловом кухонном диванчике и мечтательно глядя в окно, изложила мне свой план, который показался мне столь же идиотским, сколько притягательным.

– Нам по двадцать семь лет, – сказала она, – это совсем немного. Но даже клинический оптимист не назовет этот возраст маленьким, тем более если взять в расчет, что мы принадлежим к слабому полу. Мы ничего не добились в жизни и даже не сумели выгодно выйти замуж. У нас нет работы и нет денег. Равно как и богатых родственников, которые могли бы нас поддержать.

– Это что, игра в самоуничижение? – не выдержала я.

– Подожди. Вместе с тем мы обе довольно тщеславны, мечтательны и хотели бы ответить той красивой жизни, о которой порой стесняемся даже мечтать. Поодиночке у нас это не получится никогда. Но вместе мы – сила.

– Пока не понимаю...

– Мы могли бы поселиться вместе. Ты заметила, что мы похожи, точно зеркальные отражения друг друга? Думаю, мы уживемся легко. Жить будем у меня, – условным глагольным формам она предпочла утверждение. Будто бы между нами все уже было решено, – а твою квартиру продадим.

Я опешила.

– То есть как это? Ты предлагаешь первой встречной прописаться в твоей квартире и...

– Ты не первая встречная, – перебила Настасья, покачав белокурой головой, – ты не поверишь, но такую, как ты, я искала всю жизнь.

НАСТАСЬЯ

О нет, я не тщеславна и никогда не мечтала о несбыточном – сняться в главной роли голливудского блокбастера, выиграть миллион, сочетаться браком с Джонни Деппом или похудеть, обжираясь на ночь соевыми батончиками.

Я романтическая девушка, но понимаю, что волей обстоятельств мне было выделено не самое вкусное место под солнцем. Вырвавшись из унылого однообразия крошечного городка, обосновавшись в конфетно-красивой и предсказуемо жестокой Москве, я первое время пребывала в высшей точке блаженства. Куда мне еще стремиться, если окна моей квартиры выходят на славный широкий проспект с трамваями? Если иногда на меня находит что-то, и я буржуазно покупаю хлеб и сыр в шикарном «Елисеевском», если роскошные отсветы ночной Тверской и топорные, как вставные челюсти, высотки на Новом Арбате стали для меня почти обыденностью?

Освоившись, оглядевшись, я поняла, что попала в игру, где существуют собственные неведомые мне правила. Игру, в которой я не могла считаться успешной только на том основании, что столица проглотила меня, не оторгнув. В этой игре у победителей была одежда из галереи «Боско», отдыхали они на другом конце света (загар в Майами, шопинг в Риме, SPA в Швейцарии), получали в подарок часы с бриллиантами и беременели от кинозвезд. А такие девушки, как я (распродажа в «Манго», свидания в «Шоколаднице», тифельки из магазина «Ж»), считались неудачницами.

Иногда, не скрою, я мечтала о другой, красивой жизни. «Dolce Vita» – так сладко перекачивать это благозвучное словосочетание на языке, точно мятную карамельку. Будь у меня хоть сколько-то весомый запас финансов, я бы не мелочилась, я бы не экономила, я бы пустила деньги по ветру, наслаждаясь каждым купленным впечатлением. Я бы отправилась в кругосветное путешествие, и в каждой стране мира у меня был бы пылкий любовник. Я бы арендовала белоснежную яхту, я бы литрами пила свежий кокосовый сок на пахнущих пряностями и благовониями оранжевых пляжах, я бы иступленно танцевала в грохоте чужеземных дискотек, я бы покупала шикарные платья и туфли ручной работы...

Мечтать обо всем этом было приятно и даже почти не грустно, потому что – ну что тут грустить, каждому свое...

Но, сидя в темной неуютной Мириной квартире, я вдруг разволновалась, раззадорилась – «dolce vita» вдруг показалась такой близкой и реальной, только руку протяни. В моих ушах уже шумело теплое море, и ласковые волны разбивались о борт трехпалубного корабля.

– Да что с тобой происходит? – разнервничалась Мира.

Я видела, что ей не по себе; возможно, она жалела о том, что опрометчиво пригласила домой незнакомку. Но я почему-то знала заранее, что Мире моя идея понравится. Мы были знакомы всего ничего, но с самой первой минуты разговора я осознавала некую странную внутреннюю близость, похожую на необъяснимую родственную любовь.

– Слушай, – улыбнулась я, – тебе никогда не хотелось попробовать жить красиво? Путешествовать по свету, покупать все, что тебе нравится, бездумно спать с роскошными мужчинами, искать приключения?

– Ну, – Мира задумчиво почесала нос и подлила себе чаю, – хотелось бы, естественно. Но я никогда об этом не думала. А что?

– Ты никогда не думала, потому что это невозможно, так? – улыбнулась я.

– Мы не можем знать будущее наперед, – нахмурилась Мира, – может быть, когда-нибудь на меня положит глаз какой-нибудь богач, и вот тогда...

– Когда-нибудь, какой-нибудь, – передразнила я, – а молодость уходит. Вот скажи, что ты будешь вспоминать на старости лет? Как ты мыкалась по офисам и кадровым агентствам? Как ты думала, что тебе купить – новые туфли или еду?

– Не понимаю, к чему ты клонишь. И при чем тут продажа моей квартиры.

– Зришь в корень, – похвалила я, – у меня вдруг появился такой план... Не знаю, осмелишься ли ты... Но если да, то мы могли бы стать богатыми праздными дамами! Хотя бы на некоторое время. Гедонистками, которые мотаются по миру в поисках приключений... Не волнуйся, я не аферистка. Я могла бы прописать тебя в свою квартиру. Твою квартиру можно продать тысяч за... – прищурившись, я осмотрелась по сторонам, – шестьдесят. Представляешь, сколько стран мы могли бы объехать на эти деньги?

– Ну спасибо, – возмутилась Мира, – годик помотаемся по свету, а потом я стану бомжом?

– Для тупых повторяю, – вздохнула я, – я пропишу тебя в свою квартиру. У меня двухкомнатная. Жить будем вместе. Так даже веселее. Вернемся из путешествия, найдем работу и заживем как все нормальные люди. Но до этого, – я мечтательно прикрыла глаза, – моря, незнакомые города, красивые мужчины, платья, яхты, дорогие рестораны...

– Стой-стой, – испуганно перебила Мира, – только не говори, что ты это всерьез.

Я взглянула на нее – в Мириных глазах блеснул огонек заинтересованности, в который она сама боязливо не верила.

– Лондон, Париж, Амстердам, – перечисляла я, чтобы добить ее окончательно, – аукционы, рауты, скачки...

– Нет, – Мира встряхнула головой, чтобы отогнать наваждение, – это опрометчивый глупый поступок. На который могут решиться разве что безголовые девчонки, которым наплевать на собственное будущее. Мой ответ – нет!

Ее глаза говорили сами за себя. Я улыбнулась.

Я знала, знала заранее, что она согласится.

МИРА

Кто она была – ведьма, наделенная даром гипноза, или просто беспечная девчонка, лихая прожигательница жизни, убедившая меня, что самое главное – это настоящий момент?

Покупатели на квартиру нашлись быстро – Настасья боялась, что я передумаю, и рулила процессом с отчаянием смертельно больного человека, пытающегося в отведенные ему считанные часы хоть как-то уладить земные дела. Я не успела опомниться, как она подсунула мне какие-то бумаги. Корявая роспись – я с ужасом осознала, что привычная квартира больше мне не принадлежит.

У Настасьи мне понравилось, несмотря на хронический беспорядок. У нее была трогательно девчоночья квартира, похожая на кукольный домик. Старомодные обои в цветочек, неприхотливые суккуленты в сиреневых горшках, розовое плюшевое покрывало, залежи косметики в ванной, миниатюрные чашки для гостей и огромная пиала с Винни Пухом для хозяйки.

Мое переселение вспоминается мне как в бреду – Настасья спешно освободила комнату, которая служила ей гостиной, и помогала мне раскладывать одежду по полочкам шкафа. Мы увлеченно спорили о том, как будет устроен наш быт, и даже сочинили график дежурств по квартире. Мы говорили о чем угодно, только не о самом главном, потому что обеим было как-то не по себе. Мое состояние в те дни можно сравнить с коктейлем ужаса и адреналинового восторга, который испытывает человек, оказавшийся на «американской горке».

Хорошо еще, что бытовые данности требовали постоянного ментального присутствия – забрать трудовые книжки, оформить загранпаспорта и специальные долгосрочные визы – чтобы можно было переезжать из одной страны в другую, не возвращаясь каждый раз в Москву. Покупка путеводителей и долгие увлеченные споры о маршруте – нам хотелось объять весь мир, но мы понимали, что начать придется с какого-то одного города. То мы мечтали о пахнущем круассанами и горячим шоколадом Париже, то нам грезилась бухта всех лишенных воображения романтиков – Венеция, то мы задумчиво читали статьи о распродажах в Нью-Йорке.

В конце концов нами было принято решение – погружаться в кратковременное миллионерское счастье постепенно, чтобы не сойти с ума. Не спеша купить все необходимое в Москве, а потом отправиться в старушку Европу, которая станет промежуточным этапом на пути к настоящей экзотике.

В конце концов, так и не придя к единогласному решению, мы решили положиться на удачу – написали названия городов на картонных прямоугольничках, перемешали их в новой фетровой шляпе Настасьи, потом я вытянула один и...

... Лондон!

И сразу все стало на свои места. И сразу выяснилось, что Лондон – это как раз то, о чем обе мы мечтаем. Старинные мостовые и старомодные телефонные автоматы, двухэтажные автобусы, снобская Бонд-стрит и легкомысленный район Сохо, шляпки по две тысячи фунтов, бледные девушки с нежными веснушками и сдержанные молодые люди в твидовых пиджаках...

Берегись, Лондон, к тебе едут Мира и Настасья, прожигательницы жизни и пожирательницы мужчин!

ГЛАВА 3

Сказка о Золушке – это всего лишь сказка

МИРА

В лайнере «Бритиш Айрвейс» нам досталось место рядом с девицей примерно нашего возраста, которая представилась как «Кристина, визуальный мерчендайзер». Мы сразу прониклись к ней уважением, хотя до конца полета так и не поняли, в чем именно состоят ее профессиональные обязанности или хотя бы к какой области они относятся.

Посоветовавшись, мы пришли к единогласному решению, что она, скорее, не хороша собой, а в высшей степени ухожена. Хотя сама Кристина нагло преподносила себя как красавицу.

Она первая с нами заговорила. Вот как вышло: улыбчивая стюардесса на певучем английском попросила ее поставить сумку под сиденье впереди стоящего кресла. Кристина возмутилась, хотя ее массивный коричневый баул едва ли вообще соотносился с понятием «ручная кладь». Стюардесса вежливо, но твердо стояла на своем. И тогда, нехотя подчинившись, Кристина повернулась к нам и, приподняв на лоб темные очки от «Гуччи», со вздохом пожаловалась:

– Кошмар, неужели моя сумка за две тысячи долларов должна стоять на замызганном полу?

Мы с Настасьей уставились сначала на баул, потом друг на друга. Шутит она, что ли, – две тысячи долларов за какую-то потертую сумку? Хотя я, разумеется, слышала об аксессуарах от-кутюр, которые выпускаются всего в нескольких экземплярах, являются предметом вожделения всех подписчиков журнала «Вог» и достаются, как правило, кому-нибудь вроде Ксении Собчак. Но на мой неискушенный взгляд, багаж нашей соседки выглядел если не убого, то как-то незаметно.

Во взгляде Настасьи я прочитала неприкрытое восхищение. Настя у нас такая – этикетки и ценники действуют на нее как волшебная дудочка на крысу. Стоит ей увидеть лейбл «Готье» или «Кензо», как она готова признать помеченную им тряпку гениальным шедевром портновского искусства. Недавно я сама была свидетельницей того, как Настя купила ужасный перекоsobоченный свитер только потому, что он стоил двести долларов. Ее логика наивна: «Если за эту вещь просят такие деньги, значит, она их стоит!»

– Ну что за жизнь! – сокрушалась Кристина.

– Мне бы такую, – простодушно вздохнула Настасья.

Соседка посмотрела на нее (ну и на меня заодно) заинтересованно. Я заметила, что ее небольшие голубые глазенки буквально нас сканируют, замечая внешние противоречия недавно и резко разбогатевших девушек. У нас обеих был свежайший маникюр, дорогие стрижки, новые модные духи и дизайнерские куртки. В то же время на Насте были выдавшие виды кеды «Конверс», которые лично у меня ассоциировались с тоскливыми школьными уроками физкультуры. А я держала на коленях тряпичную сумочку из молодежного магазина «Манго».

Кристина криво улыбнулась и представилась. Я поняла, что она решила: мы ей не чета, но в то же время с нами можно поболтать, убивая медленно тянущееся время полета. К тому же за наш счет неплохо было бы поднять собственную самооценку, купаясь в нашей зависти, как в молочной ванне Клеопатры. Я таких высокомерных девиц просто терпеть не могу. Хотя и понимаю, что дело тут не в принципиальности, а в каких-то внутренних комплексах:

просто я знаю, что мне никогда не стать такой же шикарной и наглой, как они. Но ничего: во-первых, мы тоже не лыком шиты и носим куртки от «Мэйнэйм», а во-вторых, не зря же мама мне твердила, что главное духовность. Я легко смогу выбить почву из-под ее раздражающе стройных ног, заведя разговор, который она не сможет поддержать в силу низкого интеллекта. Например, о философии Канта. Нахмурившись, я поняла, что из философии Канта знаю только то, что он родился в Кенигсберге.

И тут Настя спросила, сложив ручки на груди:

– А откуда у вас такая дорогая сумочка?

Я умоляюще на нее посмотрела. Неужели Настасья не понимает, что разговор двух женщин – это в некотором роде поединок, выяснение, кто сумел забраться выше по социальной лестнице. Что ни в коем случае нельзя так простодушно восхищаться сумками мало-знакомых профурсеток. Если кто-то тычет тебе в лицо дорогой сумочкой, то стоит с презрительной улыбкой вытянуть руку, сверкнуть купленными в палатке часами и с равнодушным зевком соврать, что это «Лонжин».

Но было поздно – на мерзком лице Кристины появилась самодовольная ухмылка.

– Любовник подарил.

Рот Настасьи открылся еще шире, его примеру последовали и глаза. В тот момент она была похожа на симпатичную, но невероятно тупую сову.

– Да ты что?! А я-то, дура, радовалась, когда любовники приносили мне коробку «Рафаэлло»!

Кристина снисходительно улыбнулась:

– Каждому свое.

– А кто твой любовник? – Настасья даже покраснела от волнения.

На мой взгляд, она вела себя совершенно неприлично. Так что во имя спасения нашей репутации я была просто обязана вмешаться в разговор.

– Богатый старпер? – весело предположила я. – Всю жизнь пахал как проклятый, а теперь ищет, куда бы приткнуть свои дряблые чресла?

– Мира! – со смехом перебила Настасья (и все испортила). – Ну кто же называет член чреслами? Еще бы сказала «нефритовый стержень»!

– В любом случае, нефритовый стержень моего любовника еще ого-го, ему тридцать пять, – Кристина неловко продемонстрировала наличие чувства юмора.

И в тот момент, когда я собиралась напустить туману, намекнув о том, что встречаюсь с арабским шейхом или тexasским нефтяным магнатом, Настасья вдруг с милой улыбкой выдала нас с потрохами:

– А у нас никого нет!

Ну вы подумайте! Нет бы говорить за себя одну, если уж ей так хочется попрактиковаться в художественном самоуничижении.

– Поэтому вы и летите в Лондон? – понимающе улыбнулась Кристина.

Мы переглянулись. Я наострила уши, предоставив возможность Насте продолжить атаковать нашу соседку вопросами и восторженными замечаниями.

– То есть как? – Приподняла брови Настасья. – Мы просто решили развеесться, посмотреть мир... Мы обе авантюристки, любим приключения. И обе хотим сменить обстановку...

– Если так, то Лондон придется вам по душе, – усмехнулась Кристина.

– Не сомневаемся! У нас есть путеводитель, и там такая красота! – Я обреченно вздохнула, когда Настя достала из-под переднего сиденья свой огромный спортивный рюкзак, который больше подошел бы альпинисту, собирающемуся совершить восхождение на пяти-тысячник, а не хрупкой блондинке, которая летит в одну из самых светских столиц мира.

Я заметила, что Кристина смотрит на Настин багаж с пренебрежением, и окончательно укрепила в мнении, что эта девица мне решительно не нравится. Настасья же, которая

дальше своего носа не видит и считает всех окружающих людей потенциальными друзьями, как ни в чем не бывало извлекла из бокового кармашка путеводитель.

– Вот! Тауэрский мост, Букингемский дворец, Трафальгарская площадь! Красота-то какая! Вообще-то мы впервые за границей... Я прочитала его от корки до корки. Интересные музеи отметила синим маркером, а магазины – красным.

Я мимоходом заметила, что красного цвета на страничках куда больше, чем синего.

– Я имела в виду совсем не это, – снисходительно улыбнулась Кристина, – магазины, конечно, в Лондоне роскошные. Но обычно девушки едут туда не за этим.

– А за чем? – растерялась Настя.

– Чтобы попытать свое счастье в... матримониальных делах, – загадочно улыбнулась Кристина, – общеизвестный факт, что в Британии полно богатых холостяков. Лордов, великосветских бездельников, распоряжающихся огромными родительскими состояниями, и даже принцев. В то же время английские девушки похожи на лошадей. Конкуренция там гораздо меньше, чем в Москве или в Нью-Йорке. Сечете?

– Наверное, об этом знаешь не только ты? – прищурилась я. – Если это так, то сотни охотниц со всего мира едут туда, чтобы охмурить несчастного лорда.

– Все равно шансы высоки! – уверенно воскликнула Кристина. – Вот, например, я лечу уже во второй раз. По приглашению мужчины, за которого не стыдно и замуж выйти. Обидно, что в прошлый раз я с ним совсем не пообщалась. Потому что мы познакомились в аэропорту. Он вернулся из Токио, с деловых переговоров. А я возвращалась в Москву. Мы говорили не больше десяти минут.

– И он тебя пригласил? – недоверчиво спросила Настасья.

– Ничего удивительного, – вздохнула Кристина, – я уже привыкла к тому, что моя необычная красота и мое обаяние так действуют на мужчин. (На этих словах я даже поперхнулась, и Настасья услужливо похлопала меня по спине.) Да, всего за десять минут он потерял голову и теперь приглашает меня к себе. Разумеется, он оплатил и билет, и визу, и мое проживание в отеле «Ритц».

– А как же любовник? – мстительно ухмыльнулась я. – Тот, что сумочку подарил? Выходит, ты ему изменяешь?

Кристина даже не смутилась.

– Нам было суждено родиться женщинами, – философски вздохнула она, – главная женская трагедия – в быстро увядающей красоте.

– Да ну? – оживилась Настасья. – А мой последний мужчина был уверен, что в отсутствии мозгов.

– Возможно, он был отчасти прав, – Кристина красноречиво взглянула на мою подругу, – а что касается красоты... У мужчины есть вся жизнь для самореализации. А у нас – всего коротенький промежуток между восемнадцатью и двадцатью восьмью. Если за это время не удастся захомутать никого приличного, то пиши пропало. Поэтому иногда нам простительно быть жестокими.

Я напрыглась – через четыре месяца мне должно было стукнуть как раз двадцать восемь лет. Настасье, кстати, тоже, месяцем позже.

– А почему пиши пропало? – возмутилась она. – Чем отличается двадцативосьмилетняя женщина от, скажем, двадцатилетней? Почему ты считаешь, что у первой шансов нет?!

– О-о-о, какая ты наивная, – с неприятной улыбкой протянула Кристина, – двадцать восемь – это почти тридцать. Не буду утверждать, что это конец света. Но первоклассный мужик никогда не свяжется с тридцатилетней бабой. Тем более в наше время, когда модельный бум выводит на подиум и тринадцатилетних.

– Но как же так... – растерялась Настасья, – вот моя двоюродная сестра в прошлом году вышла замуж, а ей уже сорок три... Дядя Костя – мировой мужик. Добрый, золотые руки и зарабатывает хорошо. Купил вот трешку на Красных Воротах. И сестре моей машину подарил, «Шкоду»...

Я зажмурилась и покачала головой. Лучше бы она не упоминала про «дядю Костю – золотые руки». Сейчас начнется.

Кристина меня не разочаровала.

– Я не говорю про обычных мужчин, дурочки, – расхохоталась она, – речь идет только о первосортных. Каких в этом мире можно по пальцам пересчитать. Самые сливки, конечно, заняты – разными выскочками типа Клаудии Шиффер или Николь Кидман. Но и нам, простым красавицам, есть чем поживиться.

– Хорошо, пусть они любят молодых и красивых, – неугомонная Настасья попробовала подойти с другой стороны, – но, например, мы с Мирой внешне мало чем отличаемся от двадцатипятилетних девчонок. Я могу соврать, что мне двадцать пять, и это сойдет мне с рук. Мы замечательно сохранились, никаких морщин.

Мне пришлось даже отвернуться, чтобы уберечь себя от сканирующего недоброго взгляда Кристины, подмечающего каждую неопрятную родинку, каждый невыщипанный волосок, каждую черточку, забытую строгим временем на моем лице.

– Так и есть, – вкрадчиво улыбнувшись, согласилась она, – но на обмане отношений не построишь. И пусть сейчас ты выглядишь хорошо, но через пару лет обязательно начнутся проблемы. Сначала вдруг выяснится, что ты больше не можешь выскочить из дома просто так, без тонального крема.

Потом тебе захочется силиконовую грудь. Потом твой мужчина наконец заметит, что в сравнении с девушками его друзей ты выглядишь как кляча, главное хобби которой – неумеренное пожирание соевых батончиков. Потом ты колешь «Ботокс». Ну а потом начинается самое ужасное.

– Морщины? – ахнула Настасья.

– Нет, материнский инстинкт, – утробно хохотнула Кристина, которая с каждой минутой становилась мне все менее приятна, – на кой крутому мужику нужна женщина с такими проблемами?

– Сколько же лет тебе? – оборвала ее я, пока Настасья осмысливала информацию.

– Двадцать четыре, – самодовольно ответила она, – самый шоколад. А вам, девочки?

Она и так знала верный ответ, поэтому мы с Настасьей затравленно промолчали. Несмотря на то что еще и года не прошло, как я познакомилась с Настей, но я уже могла похвастаться, что знаю ее как облупленную. Причина не в том, что ее сущность была прозрачна, как мелководная речка, а в том, что мы с ней были удивительно, почти по-родственному похожи. Правда, идентичность проявляла себя лишь в генеральной жизненной позиции. Мы обе были убежденными гедонистками. Сильнейшей нашей эмоцией была немедленная жажда жизни. Мы были духовными Гаргантюа, мы желали пожирать новые впечатления пригоршнями, залпом пить эмоции, хватать приключения охапками. Все это не мешало нам оставаться разными в мелочах. Самым главным нашим различием являлось отношении к религии, называемой «культ собственного тела». Настасья была ее убежденным адептом.

Я же молилась своей молодости только изредка, под настроение. Она считала, что внешность – это две трети женского успеха, я же всегда полагалась на иные тактики.

Я знала, что жесткие и несправедливые замечания самолетной Кристины надолго озадачат Настасью и приведут в конце концов к тому, что она потратит сотни и сотни фунтов на совершенно ненужные ее юной бархатной коже косметические примочки. Мне придется

часами таскаться с ней по косметологам и ждать ее в коридорах, почитывая бесполезный глянец.

Уже только за это я Кристину возненавидела, хотя на то были и другие, более веские причины.

До конца полета мы больше не разговаривали с Кристиной. Она и сама не горела желанием: видимо, в ее сценарии отведенная нам роль подошла к концу. Кристина достала из своей сумки крошечный плеер и черную бархатную повязку на глаза, на которой хрусталиками Сваровски было вышито ее имя.

– До чего мерзкая девка, – шепнула я Настасье, когда из наушников нашей соседки раздались ритмичные звуки R amp;B.

– Ответь мне на один вопрос, – трагически прошептала та в ответ, – ты что, тоже думаешь, что мы с тобой никуда не годимся?

НАСТАСЬЯ

Увы, на московской ярмарке невест предложение во много раз превышает спрос. Конкуренция жестока – и глазом моргнуть не успеешь, как тебя безвозвратно определяют в категорию «некондиционный товар». Все более-менее приличные мужчины избалованы – осмотритесь по сторонам, на одного пригодного к употреблению индивида мужского пола приходится несколько десятков красивых, самостоятельных остроумных дам. У одного моего знакомого художника, Олега, ранняя лысина, вечно рваные носки и незалеченный кариес. Девушек он меняет, как трусы «неделька». То появится под руку с девятнадцатилетней журналисточкой со звонким смехом и дорогой сумочкой, то нежно воркует с тридцатипятилетней пряной красавицей, хозяйкой модной галереи. Была у него профессорская дочка, Лика, которая наняла частного детектива, чтобы отследить его сексуальные связи. И не лень ей было тратить время, деньги и нервы ради такого никчемного, по сути, мужика? Еще была некая поэтесса, бледное создание с тонкой душевной организацией, которая, когда Олег ее бросил, попробовала свести счеты с жизнью (к счастью, ее спасли). Однажды я спросила: почему ты так себя ведешь, Олег? Как так получилось, что ты стал безжалостным бабником? Он не постеснялся ответить правду: я тут ни при чем, они сами мне на шею вешаются. Зайди вечером в любой кабак, везде полно нарядных баб с голодными глазами. Я ничего никому не обещаю и уж точно не виноват, что они надеются.

Вот и получается, что мужчины чувствуют себя подарками судьбы и привередничают...

Согласно личной статистике моей приятельницы Олеси, в Москве проживает не меньше пяти тысяч холостых миллионеров. Цифра внушает оптимизм, не правда ли? К тому же ареал обитания данного привлекательного подвида известен – в любом журнале о досуге найдется список ресторанов, в которые не попасть девушке, если у нее нет тужеек от Маноло Бланика. Но не стоит раньше времени потирать ручонки, потому что девушек, мечтающих заарканить одного из них, еще больше. Причем времена силиконово-коллагеновых блондинок, щебечущих, как героини комиксов, интересующихся преимущественно распродажами и залиvisto хохочущими над матерными анекдотами, остались далеко в прошлом. Это обидно. Над блондинками можно было бы хотя бы украдкой посмеиваться, пеняя на грубый мужской вкус. Однако сегодня на тропу войны выходят роскошные выпускницы МГИМО с ногами от ушей, безупречным вкусом, прекрасной политической осведомленностью и отточенным чувством юмора.

Вот упомянутая выше Олеся, например. Стоит в радиусе пяти метров появиться интересному мужчине, как она резво откидывает крышечку своего новомодного мобильного телефона, наугад тыкает в серебристые кнопочки и начинает с очаровательной улыбкой (у

этой заразы еще и ямочки на щеках) говорить на французском, почти без акцента. Французский язык и так мурлыкающе сексуален, а уж когда им жонглирует красавица модельной внешности... Уловка действует почти безотказно, мужчины млеют и подходят к нашей расчетливой принцессе знакомиться. Кстати, язык у Олеси подвешен что надо. Мгновенный нокаут – эта девушка не только хороша собой, но и интеллектуально развита.

Вывод таков: чтобы обратить на себя внимание мужчины, недостаточно быть просто длинноногой улыбчивой феей. Надо, чтобы в запасе были серьезные козыри вроде блестящего образования, или умения разбираться в породах лошадей, или знание четырех европейских и одного азиатского языков, или творческое хобби вроде создания витражей, или собственную фирму. Козырей, которых нет у меня.

Что я могу предложить выдающемуся мужчине, кроме белых ухоженных волос, нежной кожи и тугой попки?

Поэтому такие девушки, как Кристина, всегда действовали на меня вдохновляюще. Раз Фортуна не обошла их, в целом посредственных, своим вниманием, так, может быть, и вашей покорной слуге может перепасть что-нибудь от капризницы судьбы?

МИРА

Заблудиться в лондонской подземке ничуть не сложнее, чем навеки сгинуть в лабиринтах Минотавра. От аэропорта до гостиницы мы добирались два с половиной часа, а все потому, что три раза умудрились сесть не на тот поезд.

Зато на финишной прямой нас ожидал приятный сюрприз: выяснилось, что наша гостиница находится в самом сердце Лондона, в начале улицы Пикадилли. Нами было дружно решено не тратить вечер на отдых, а немедленно приступить к реализации обширных туристических планов, которые состояли в том, чтобы:

А) осмотреть все возможные достопримечательности, сфотографироваться на фоне Биг Бена и Тауэрского моста; познакомиться с милovidными британцами

Б) и проверить, так ли холодны и сдержанны английские джентльмены, как их привыкли изображать в анекдотической литературе.

– Знаешь, чем отличается секс с русским мужчиной от секса с иностранцем? – хитро прищурившись, поинтересовалась я.

Настасья возвела глаза к потолку. На мои шутки она реагировала, как будто бы была вскормленной взаперти английской розой, и это казалось мне забавным.

– Ну, – любопытство оказалось сильнее лжебританской сдержанности.

– Русские мужчины считают, что оральный секс – это одолжение. А для иностранцев это всего лишь предварительная ласка.

– Мира, – укоризненно воскликнула Настасья, – я не собираюсь такое выслушивать. И мне вовсе не любопытно узнать, какие британцы в постели. Может быть, я... встречу здесь свою судьбу.

– Надеюсь, что моя судьба – провести эту ночь не в одиночестве. И уж конечно, не в твоей унылой компании, – расхохоталась я.

Пролистав путеводитель, я наметила для нас примерный план экскурсии. Настасья – девушка романтическая, она вечно витает в облаках, думает о чем-то своем, улыбается собственным мыслям и не умеет планировать жизнь. Она из тех дурней, которые, идя по улице, рассматривают свои туфли и в конце концов пребольно натыкаются лбом на фонарный столб. Так что роль доморощенного экскурсовода самовольно взяла на себя я.

Я решила, что мы наскоро перекусим в отеле, потом пройдемся в сторону Трафальгарской площади, где посидим в уютном уличном кафе, после чего отправимся на набережную, посетим галерею Тейт, прокатимся на огромном чертовом колесе и пешком вернемся в

район Пикадилли, чтобы пообедать в прилегающем Китайском квартале. Собственный план казался мне продуманным и логичным. Я предупредила Настю, что надо одеться поудобнее. Сама я предпочла дорожные широкие джинсы, которые пусть и не добавляют моему облику элегантности, зато удобны, как пижама, простую белую футболку и разношенные удобные кроссовки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.